

НА
МАКСИМАЛЬНЫХ
ОБОРОТАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АВТОР

НЭТТИ БЛОЙД

Нэтти Глэйр

На максимальных оборотах

<https://litres.ru/73995268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Макс Дрейк привык брать от жизни всё – на гоночной трассе и за её пределами.

Скорость давно стала зависимостью, риск – нормой, а люди вокруг – слишком предсказуемыми.

Пока однажды он не столкнулся с женщиной, которая посмотрела на него с полным, почти уничтожающим равнодушием.

Ведущий редактор Лия Нокс профессионально цинична. Её не впечатлить громким именем, деньгами или опасной харизмой профессионального гонщика. Она слишком дорого заплатила за свою независимость, чтобы стать очередным трофеем в списке двадцатипятилетнего наглеца.

То, что должно было остаться мимолётной вспышкой чужого упрямства, неожиданно превращается в проблему.

Потому что Дрейк органически не умеет отпускать то, что однажды залезло ему под кожу.

Четырнадцать лет разницы.

Огромное количество причин держаться подальше.

И дикое притяжение, которое с каждой встречей всё сильнее сбивает настройки.

На максимальных оборотах инстинкт самосохранения отказывает первым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	58
Глава 7	66
Глава 8	78
Глава 9	90
Глава 10	106
Глава 11	119
Глава 12	125
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Нэтти Глэйр

На максимальных оборотах

Глава 1

Меня зовут Макс Дрейк.

Победитель. Мудак. Гуляка.

Я живу на износ: между скоростью, адреналином и верой в собственную неуязвимость. Деньги, женщины, признание – всё давалось слишком легко. До предсказуемости. До тошноты. Мне не приходилось бороться. Всё само падало в руки – быстро и без сопротивления.

Но всё изменилось, когда появилась она.

Никакой реакции. Судя по тому, как равнодушно она скользнула по мне глазами, я был для неё лишь деталью грёбаного ландшафта. Безликим фоном её собственной игры, в которой мне не нашлось места даже на скамейке запасных. А потом она сделала то, чего не удавалось никому – победила меня в моей же стихии.

Меня. Макса, блядь, Дрейка.

Теперь это вопрос азарта. Я найду её. Выслежу. И когда она окажется подо мной – задыхающаяся, полностью моя, я напому ей каждое мгновение её дерзости. Она узнает, что заигрывать с дьяволом – плохая идея.

Потому что я не умею проигрывать. Поражение – это слово для слабаков, которого нет в моём лексиконе.

Без исключений.

Вот только я ещё не знал, что эта гонка уже переписала все мои правила.

Porsche под восьмым номером ревела, вибрируя в унисон с его собственным нетерпением. Макс усмехнулся, сильнее сжимая обтянутый алькантарой руль.

До финиша оставалось три круга.

Три круга до триумфа, от которого уже сводило скулы – настолько всё было легко. Предвкушение финала пьянило больше, чем сама победа. Он видел их панику в зеркалах заднего вида и наслаждался беспомощностью своих конкурентов.

Машина визжала, как разъярённый зверь, требующий свежей крови. Макс Дрейк выжимал из неё всё: каждую лошадиную силу, каждый градус в опасных поворотах, каждую украденную у соперников миллисекунду. Он не просто вёл машину – он гнал её за пределы того, на что она была рассчитана, заставляя металл работать там, где физика уже не давала гарантий.

Laguna Sesa под колёсами превращалась в серую, выжженную солнцем ленту асфальта. Мир за пределами лобового стекла перестал существовать, сузившись до единствен-

ного первобытного инстинкта – доминировать. Быть первым. Всегда.

Апекс. Жёсткое торможение, от которого внутренности вжимают в позвоночник. Взрывное ускорение.

Его руки, обтянутые тонкой кожей перчаток, знали траекторию раньше, чем мозг успевал отдать команду. Тело и сталь слились в единый, безупречно отлаженный механизм. В этой симфонии скорости не было места страху или сомнениям. Только холодный расчёт и абсолютная уверенность в своей непобедимости.

Впереди маячил знаменитый «Штопор» – резкий перепад высоты, где новички обычно жмут на тормоз. Макс лишь сильнее вдавил педаль газа. Он чувствовал себя хозяином этой трассы, для которого финишная черта была лишь формальностью.

– Давай, детка, – прошептал он. – Покажи им, кто здесь закон.

Он срезал ноль целых семь десятых с личного рекорда. Крут – как всегда. Но сегодня – почти божественен.

Когда Porsche 911 GT3 R, тяжело дыша жаром двигателя, вырулила в боксы, команда уже ждала: с ледяной водой, полотенцами и тем особым взглядом, в котором восхищение всегда смешивалось с плохо скрытым ужасом. К этому выражению лиц Макс привык ещё в семнадцать. За годы он выстроил вокруг себя непробиваемую броню из побед, шальных денег и абсолютной, почти болезненной веры

в собственную неуязвимость.

– Ты ебанутый, Дрейк, – выдохнул Алекс, помогая ему стащить шлем.

Его механик – худой, жилистый парень с вечно масляными руками – качал головой, но в уголках его губ дёргалась предательская улыбка фаната.

– На девятом повороте у тебя было два сантиметра до отбойника. Два, сука, сантиметра! Ты должен был разложиться на атомы.

Макс лишь усмехнулся, жадно глотнув воды и проведя ладонью по мокрым от пота волосам. Взгляд оставался холодным, несмотря на кипящий в крови азарт.

– Значит, был запас, – бросил он, и в этом голосе не было ни капли бахвальства. Только голый факт.

Алекс знал его слишком долго, чтобы надеяться на благоразумие. Макс Дрейк не умел существовать иначе – только на пределе, только на грани, только там, где раскалённый асфальт встречается с пропастью. Единственное, что отделяло его от катастрофы – это его собственная запредельная дерзость и такой же запредельный коэффициент везения. Он не просто игнорировал смерть – он заставлял её ждать в стороне, пока сам не разрешит ей подойти.

– Энцо звонил, – Алекс швырнул ему вторую бутылку воды, которую Макс поймал на автомате, даже не глядя. – Сказал, тебе нужно быть на презентации в восемь. Спонсоры, пресса, вся эта хуйня.

– Который час?

– Пять двадцать.

Макс выругался – сочно, грязно, вкладывая в это всю ненависть к корпоративному этикету.

До города было часа два, а до центра еще минут тридцать при идеальном раскладе. Но в пятницу вечером в Сан-Франциско идеальных раскладов не бывает. В пятницу город превращается в одну сплошную стоячую артерию.

Он переоделся за три минуты, на ходу вытирая остатки пота. Закинул сумку в салон своего повседневного авто и рванул с трека, оставляя за собой лишь облако пыли и недовольное бурчание механиков.

Азарт трассы всё ещё жил в крови, требовал продолжения, новой дозы риска, но впереди ждала не гонка. Глянцевая рутина. Дорогие костюмы, сковывающие движения, фальшивые улыбки и рукопожатия с людьми, чьи имена он вычёркивал из памяти через пять минут после знакомства.

Это была его личная сделка с дьяволом: он получает право быть богом на трассе, а взамен должен два часа в неделю изображать из себя прирученного тигра. Цена славы, которая с каждым разом казалась ему всё более неоправданно высокой.

Городу было плевать на его рекорды. Он просто переваливал гонщика вместе с тысячами других, заставляя задыхаться в неподвижности. Пробка растянулась на километры

– сплошная, отстойная вереница раскалённого металла, едких выхлопов и чужого раздражения.

Макс сидел за рулём своего тяжёлого Dodge RAM, ощущая, как послевкусие гонки – тот чистый, звенящий кайф – превращается в глухую, ядовитую злость. Семьсот лошадиных сил под капотом, готовых сорваться с цепи. Ноль километров в час на спидометре. Огромная машина казалась ему тесным гробом.

Кондиционер захлёбывался в попытках охладить салон. Окно было опущено, и внутрь бесцеремонно лезли басы из соседнего ряда – тупой, монотонный бит, от которого пальцы непроизвольно сжимались в кулаки. Макс барабанил по рулю, потянулся к пачке на панели, но так и не прикурил – просто нервно крутил в руках тяжёлую зажигалку, глядя на бесконечный мерцающий поток красных стоп-сигналов.

Мир вокруг него сдох. Замер. А он, привыкший к скорости как к единственному доступному наркотику, буквально задыхался в этом застое. Ему нужно было движение. Ему нужен был вызов. Ему нужно было хоть что-то, что заставит кровь снова течь по венам, а не стоять, превращаясь в свинец.

И тут он услышал его.

Низкий, хрипловатый рокот, прорезавший городской гул как острое лезвие – плотную ткань. Звук, который невозможно было спутать ни с чем.

Макс обернулся инстинктивно.

Красный Harley-Davidson скользил между рядами замерших машин с грацией, которая в этом дорожном аду казалась почти оскорбительной. Байк двигался неестественно плавно, словно металл пробки сам расступался перед ним, признавая право силы того, кто плевал на общие правила.

А в седле – она.

Чёрная кожа экипировки облегла её фигуру настолько плотно, что Макс мгновенно считал всё: опасный изгиб бёдер, напряжённую линию спины, идеальную посадку человека, который сросся со своим байком в единое целое. В том, как она держала руль, не было ни капли женской бравады или показухи – только чистая, почти пугающая уверенность. Она не ехала – она забирала это пространство себе, не спрашивая разрешения.

Мотоциклистка проскользнула мимо его Доджа, и на секунду их разделяло лишь несколько дюймов воздуха и слой калифорнийской пыли. Скука испарилась, оставив после себя острый, колющий интерес.

Ему захотелось увидеть её лицо. А ещё больше – сорвать с неё этот шлем и проверить, совпадает ли блеск глаз с тем вызовом, который бросала её манера езды.

У светофора наездница поравнялась с его открытым окном, на мгновение застыв в паре сантиметров от тяжёлой двери внедорожника.

Их взгляды встретились.

Удар был резким, обжигающим – как глоток чистого вис-

ки натошак. Секунда. Может, две. Взгляд из-под затемнённого визора был прямым, пугающе спокойным и абсолютно не впечатлённым. Ни его зверем-пикапом, ни им самим. В её глазах не было женского любопытства, к которому Макс так привык. Не было кокетства. Было нечто куда более унижительное – ленивое, почти скучающее игнорирование. Словно она считала его код за это мгновение, вынесла вердикт «ничего примечательного» и закрыла папку.

А потом выкрутила ручку газа.

Харлей взревел, выплёвывая вызов прямо ему в лицо. Девушка на байке сорвалась с места, юркнув между машинами элегантно и почти издевательски легко. Красный Sportster растворился в стальном потоке, оставив после себя лишь горьковатый шлейф выхлопа и странное острое ощущение незавершённости. Словно у него из-под носа украли что-то, что он уже считал своим.

Макс проводил её взглядом, чувствуя, как в груди туго затягивается узел.

Это не была досада. В той части его существа, которая оживала только на скорости двести миль в час или на самом краю пропасти, проснулся необузданный, тёмный голод. Он почуял добычу, у которой хватило наглости не просто бежать, а насмехаться над охотником.

Пробка наконец вздрогнула и мучительно медленно поползла вперёд. Макс выжимал из каждого метра свободного пространства максимум: жёстко перестроился влево, отре-

зав чей-то седан, выиграл десяток метров, а затем ювелирно нырнул в узкую щель между двумя фурами. Тяжёлый RAM не был предназначен для городских шахмат, но Макс управлял им так же, как болидом на трекке – с той холодной точностью, которая не оставляла места сомнениям.

Он не анализировал свои действия. Просто ехал. И охотился.

На следующем перекрёстке вспыхнул красный. Макс притормозил, жадно сканируя поток, и почти сразу увидел её.

Она замерла у стоп-линии. Мотоцикл под ней мелко вибрировал, напоминая ягуара перед прыжком. Забрало шлема теперь было поднято, и Макс наконец смог разглядеть её лицо.

Чёрт.

Она была другой. В ней не было ничего от тех выхолощенных кукол, что толпятся в VIP-ложах, выставя напоказ ценники своих платьев в надежде поймать его взгляд. В её чертах читалась опасная, небрежная уверенность – та самая, которую невозможно купить или симитировать.

Нежная линия чуть пухлых губ, слегка курносый нос, огромные зелёные глаза. Взгляд, устремлённый на дорогу с таким спокойствием, будто весь этот мир с его пробками и правилами был лишь декорацией к её собственной постановке. Она выглядела как человек, который знает о боли и риске не меньше, чем сам Дрейк. И именно это знание, прописанное в развороте плеч и линии позвоночника, заставило его

сердце пропустить удар, а затем забиться с удвоенной силой.

Он почувствовал, как внутри просыпается нечто тёмное и собственническое. Она ещё не знала, что её спокойствие – это вызов. И он собирался его принять.

Ты будешь моей. И это не вопрос выбора – это вопрос времени.

Макс подкатил вплотную, почти касаясь её бедра колесом своего монструозного Доджа. Опустил окно до конца и ухмыльнулся – той самой фирменной ухмылкой, от которой девчонки обычно краснели и послушно отводили глаза. Лениво облокотился на дверь.

– Симпатичный байк, – бросил он. Пауза была рассчитана до доли секунды. – Спортстер, да? Редко вижу, чтобы их так кастомили.

Она повернула голову. Медленно. Без интереса. Словно он был назойливым насекомым, залетевшим в шлем.

И хмыкнула.

Не улыбнулась. Не расцвела от внимания звезды, чьё лицо было на билбордах, обложках журналов и рекламе по телевизору. Просто хмыкнула – коротко, почти беззвучно, как человек, услышавший старую, изрядно поднадоевшую шутку.

– Симпатичная тачка, – парировала она, и в её голосе, приглушённом шлемом, проскользнула мягкая, почти ласковая издёвка. – Жаль, что застряла в пробке.

Укол был ювелирным. Она ударила по самому больному

– по его вынужденному бессилию в этом потоке машин.

Чертовка.

Макс открыл рот, чтобы ответить – что-то хлёсткое, с крючком, который выдернет её из седла прямо в его руки, – но не успел.

Светофор щёлкнул зелёным. Она не тронулась, а выстрелила. И исчезла в потоке.

Снова.

Мощный байк взревел, насмешливо фыркнув, и нырнул в поток, оставив Макса с полуоткрытым ртом и странным, почти болезненным ощущением. Его только что поимели. Обесценили.

Его. Макса, блядь, Дрейка.

Человека, чьё имя стоило миллионы. Человека, которому никогда не отказывали, который привык забирать всё и сразу. Всегда. Особенно женщин.

Он замер, глядя сквозь лобовое стекло, как алое пятно красного байка стремительно растворяется среди серых коробок машин. Воздух в салоне стал тяжёлым, наэлектризованным. Макс медленно, рвано выдохнул.

Кровь забулдила с новой, почти забытой силой – той, что поднимается не от скорости, а от чего-то более тёмного и опасного. Он почуял добычу, у которой хватило наглости насмеяться над охотником. И это было лучше любой гонки.

– Ну давай, поиграем, – прошептал он, и этот шёпот прозвучал как приговор.

Макс до хруста сжал руль и медленно тронулся с места. Губы сами собой растянулись в оскале, который он ошибочно принимал за улыбку. Он найдёт её. Этот город слишком мал для того, кто привык владеть всем, на что падает его взгляд.

А Макс Дрейк привык побеждать всегда. И сейчас он знал одно: эта женщина станет либо его самой тёмной победой – либо самым красивым крушением.

Глава 2

Лия Нокс не верила в литературные ритуалы.

Все эти мифы о магии утреннего кофе, капризных музах и «правильной атмосфере» для творчества она оставляла для дилетантов. Для неё это было лишь красивой ложью, которой писатели прикрывали свою лень и творческое бессилие.

В общем зале Silverline House Publishing жизнь бурлила со звуком закипающего чайника. Десятки редакторов за соседними столами вгрызались в тексты, спорили о гонорарах и обложках, создавая непрекращающийся гул.

Глядя на очередную рукопись «гениального дебютанта», она думала, что ритуалы существуют не для того, чтобы призвать вдохновение. А пережить его полное отсутствие у других.

Текст перед ней был пропитан тестостероном и дешёвым пафосом. Автор с упоением описывал своего героя – непобедимого, наглого, привыкшего получать всё по щелчку пальцев. Лия поморщилась. Типаж был до абсурда узнаваемым. Плоский, предсказуемый и чересчур громкий.

Лия сделала глоток остывшего чая. Её работа заключалась в том, чтобы отделять золото от мусора, но в последнее время мусор прибывал целыми эшелонами.

Рукопись называлась «Шёпот забытых сердец». Лия прочитала первую страницу и ощутила почти физическую тош-

ноту.

«Её глаза были подобны двум озёрам, в которых отражалась вся боль мироздания».

Иисусе!

Она потянулась за красной ручкой – тонким острым инструментом, который в её руках превращался в скальпель. В коридорах издательства шепотом говорили, что для плохого стиля Лия Нокс была святой инквизицией. Она не правила тексты – она проводила экзорцизм, выжигая из них розовую слизь.

На полях быстро, без тени сомнения, появилась ремарка: «Озёра не отражают боль. Озёра отражают небо. Если героиня страдает – покажите это через действие, а не через дешёвую метафору».

Жёстко? Возможно. Но Лия Нокс не занималась благотворительностью. Она препарировала чужие фантазии, отделяя живое мясо от гнилой бутафории. Она занималась литературой. А литература, по её мнению, должна была кусаться, а не пускать пузыри.

– Лия, ты прикончила ещё одного? – раздался голос над ухом.

Она не вздрогнула – её невозможно было застать врасплох. Медленно обернулась. Люк, младший редактор, стоял с чашкой кофе и смотрел на неё с той смесью ужаса и обожания, с какой обычно смотрят на открытый огонь. Он только недавно покинул университетские стены и всё ещё наивно

верил, что за каждой стопкой макулатуры стоит хрупкий генний, нуждающийся в защите.

– Я в процессе, – Лия откинулась на спинку кресла. В её глазах промелькнул опасный, почти насмешливый блеск. – Но день только начался. Дай мне время до обеда.

– Ты ведь знаешь, что авторы тебя боятся? О тебе в курилках говорят как о серийном убийце.

– Страх – отличный фильтр, Люк. Он заставляет их перечитывать свои бредни хотя бы раз, прежде чем нести их мне.

Люк тяжело вздохнул, глядя на безжалостно исчерканную красным рукопись.

– Ты слишком жёсткая, Лия. В литературе должна быть душа.

– А в тексте должен быть хребет, – невозмутимо отрезала она. – Ты слишком мягкий. Поэтому я исправляю тексты, а ты успокаиваешь авторов после того, как они их прочитали. Идеальная команда.

Он смущённо улыбнулся, не найдясь с ответом, и поспешил скрыться за своим столом. Лия проводила его взглядом и снова взяла "скальпель". В этом офисе она была единственным человеком, который не боялся крови на бумаге.

Вернулась к рукописи, но уже через несколько абзацев поняла: она ослепла. Слова скользили мимо, не оставляя и следа на сетчатке, не задевая сознания. Буквы превратились в бездушный набор символов, в чёрную сыпь на белой бумаге. Знакомое, почти тошнотворное ощущение.

Это было не столько усталостью от текста, сколько выгорание от людей. От их раздутых амбиций, не подкреплённых ни граммом таланта. От их святой уверенности в том, что мир обязан пасть ниц и признать их гениальность только потому, что они наскребли триста страниц словесного потока. Большинство из них никогда не заглядывали внутрь себя, чтобы честно ответить на вопрос: зачем? Что я хочу сказать, кроме своего эгоцентричного «посмотрите на меня»? Они хотели значимости – но не платили за неё ни честностью, ни болью. Только объёмом.

Люю душила эта массовая жажда без содержания.

Бросила взгляд на часы. Каждая минута в этом зале теперь стоила ей огромных усилий. Собственная скорлупа из цинизма начала давать трещины, пропуская внутрь ядовитый шум чужой посредственности и простой женской усталости.

Лия с сухим хлопком закрыла папку с рукописью и установилась в окно. За стеклом, в белом мареве тумана, разворачивался обычный городской день – бесконечный поток металла и человеческой суеты. Миру было плевать, увидит ли свет очередной выкидыш литературы о «шёпоте забытых сердец». Мир переваривал живых, не отвлекаясь на бумажных.

Она открыла ноутбук. В глубине папок, под неприметным именем, прятался её личный алтарь и он же – пыточная камера.

Собственный роман.

Лия писала его по ночам, когда тишина в квартире становилась почти осязаемой, а в голове вдруг вспыхивали фразы – острые, как осколки стекла, от которых перехватывало дыхание. Почти никто не знал об этой стороне её жизни. Слишком опасно было признаться, что инквизитор сам грешит по ночам.

Прокрутила текст до последней строчки, оставленной три дня назад:

«Она поняла, что свобода – это не отсутствие клетки. Это готовность выйти из неё, даже если за дверью пустота».

Лия перечитала фразу раз, другой – и поморщилась, словно от зубной боли.

Слишком пафосно. Слишком «книжно». Очередная глянцева истина для обложки в мягком переплёте. Она ударила пальцем по Backspace, наблюдая, как курсор безжалостно съедает слова.

Я ищу в тексте свободу, но сама закрылась в цинизме. Иронично.

Она хотела написать совсем о другом. О том, как люди добровольно запирают себя в стерильных, безопасных жизнях, боясь сделать хотя бы шаг в сторону манящей неизвестности. О том, что страх давно стал важнее мечты, превратившись в удобный поводок. О том, как тысячи человеческих душ медленно угасают в своих уютных квартирах, так и не решившись по-настоящему начать жить.

Но каждый раз, когда она заносила пальцы над клавиша-

ми, слова выходили плоскими, безвкусными и безнадежно банальными. Чужие тексты она видела насквозь – каждую трещину в логике, каждую фальшивую ноту. Свой – нет. Он был её слепым пятном. Её личным поражением.

Лия со злым стуком захлопнула ноутбук. Хватит. На сегодня достаточно. Она вернулась к чужой рукописи, и перо снова обрело прежнюю безжалостность.

К шести вечера «Шёпот сердец» был похож на место кровавой бойни. Лия закончила разбор, оставив на полях столько ядовитых замечаний, что автор, вероятно, возненавидит её имя до конца своих дней.

Ну и пусть. В этом мире выживают только те, кто выдерживает удар.

– Куда ты сегодня? – спросила Эмма, перехватив её у самого выхода.

Эмма была одной из немногих в этом здании, с кем Лия поддерживала нечто, отдалённо напоминающее дружбу. Женщина за пятьдесят, в безупречно строгом костюме и с умом, отточенным до бритвенной остроты, который она мастерски маскировала мягкими манерами южной леди.

– Домой, – коротко бросила Лия.

Её движения стали другими – более резкими, собранными. Сняла со спинки стула поношенную косуху и натянула её поверх офисной блузки, словно надевала доспехи перед боем. Мягкая ткань скрылась под грубой кожей, и образ дис-

циplinированного редактора мгновенно рассыпался.

– Снова на байке? – Эмма приподняла бровь, глядя на тяжёлый шлем в руках Лии.

– А как ещё? В пробках я закисну.

Эмма лишь сокрушённо покачала головой, но в её глазах промелькнула искра понимания. Она проводила Лию взглядом – с той смесью иронии и тихого, почти материнского беспокойства, которое никогда бы не позволила себе на редакционных планёрках. Эмма знала: в этой женщине живёт что-то, что невозможно приручить бумажной работой.

– Будь осторожна.

Лия не обернулась. Она уже чувствовала в кармане холодную тяжесть ключей.

– Осторожно – это не про меня!

Harley ждал её на парковке – красный, дерзкий, как пощечина этому чопорному миру.

Лия замерла рядом, позволяя себе несколько секунд тишины. Каждый раз, когда она видела его, тугой узел в её груди неизменно расслаблялся. Словно всё остальное – работа, люди, обязательства – лишь временная форма, которую можно снять, стоило только сесть в седло.

Она провела ладонью по бензобаку – медленно, почти интимно. Этот байк был её единственным честным текстом. Она собрала его сама, буквально по костям. Полгода жизни, тысячи долларов и разбитые в кровь костяшки пальцев пре-

вратили серийный Sportster в нечто уникальное, обладающее собственной душой.

Кастомный выхлоп, выверенная до миллиметра подвеска и покраска – глубокий красный перламутр, который в лучах заходящего солнца отливал рубиновым блеском. Здесь не было случайных деталей «для красоты». Каждая гайка, каждый изгиб работали на одно единственное чувство – абсолютную власть над моментом.

Мотоцикл не был просто транспортом. Он был её личной формой безумия. Правом быть собой в мире, который требовал послушания.

Лия натянула шлем, отсекая лишние звуки, и оседлала байк. Стоило ей нажать на стартер, как низкий, утробный рокот заполнил пространство парковки – звук, от которого по позвоночнику неизменно бежали искры.

Вот оно. Её личное обезболивающее.

Она выехала на дорогу, и мир вокруг мгновенно сменил фазу. Из статичной пыльной декорации город превратился в живой, пульсирующий организм. Здания смазывались в серые полосы, светофоры вспыхивали яркими точками, а люди на тротуарах утратили лица, превратившись в безликие тени.

Ветер бил в лицо, выдувая остатки офисного дня, и с каждым километром Лия всё острее чувствовала себя собой.

Настоящая. Свободная. Живая.

Мотоцикл был её порталом в реальность, где не существо-

вало компромиссов. Единственное место, где она не правила чужие смыслы, а создавала свой собственный – здесь и сейчас, в движении пальцев, сжимающих ручку газа.

Пробка возникла внезапно – как неизбежный паралич города в пятницу вечером. Лия притормозила, машинально сканируя затор холодным взглядом. Впереди – плотная, смердящая выхлопами чешуя из машин, стоящих бампер к бамперу.

Водители в своих железных коробках нервно сигналили, впадая в истерику, или тупо пялились в телефоны, пытаясь убить время, которое и так их убивало. Лия усмехнулась под шлемом. Эта неподвижность была для неё чужой.

Она качнула байк и скользнула в междурядье. Харлей двигался между замершими рядами с ленивой точностью – там, где автомобили вязли в асфальте намертво, он находил лазейки, недоступные для остальных.

Это был танец на грани фола. Лия кожей чувствовала расстояние до чужих зеркал, угадывала ритм движения, балансируя на тонкой нити между скоростью и абсолютным контролем. В этом была её маленькая, почти интимная победа. Право на движение, пока все остальные послушно тухли в своих четырёхколёсных коробках.

Пока её взгляд не зацепился за нечто, что выбивалось из общего ряда унылых седанов. Огромный тёмно-серый кусок наглого, выпирающего превосходства. За рулём массивного,

рычащего RAM сидел он.

Молодой. Самоуверенный до невозможности.

Лия едва скользнула по нему взглядом, и в голове профессионально, сама собой, возникла ремарка на полях: «Слишком предсказуемый типаж. Клише номер один: наглая ухмылка, дорогая игрушка, взгляд альфа-самца. Переписать или выбросить в корзину».

Он был ходячим сборником штампов из тех самых рукописей, которые она потрошила в рабочее время. Человек, привыкший, что реальность прогибается под его желания просто потому, что у него есть харизма и пара сотен лошадиных сил под капотом.

Отработанная интонация. Голос, пропитанный невозмутимой уверенностью.

– Симпатичный байк

Лия едва заметно хмыкнула. Ей почти хотелось рассмеяться: он даже открывал рот именно тогда, когда этого требовал сценарий паршивого любовного романа. Его манера была слишком выверенной, рассчитанной на мгновенный инстинктивный женский отклик. Но Лия Нокс не была потребителем дешёвого чтения. Она была тем, кто его уничтожает.

– Симпатичная тачка, – спокойно парировала она.

И с острым удовлетворением редактора, обнаружившего фактическую ошибку в тексте, уловила его микроскопическую паузу. Секундный сбой в системе. Его внутренний «герой» только что получил отказ там, где всегда привык выхо-

дить победителем.

И всё же...

Где-то на периферии сознания засело странное, тревожное послевкусие. Энергетика его взгляда была пугающе концентрированной – слишком плотной для обычного мажора на дорогой тачке. Это был взгляд человека, который не просто ищет внимания, а требует абсолютного подчинения.

Впрочем, город был забит мужчинами с громкими моторами и ещё более громким эго. Лия просто вычеркнула его из головы, как безнадёжно плохую рукопись.

И только гораздо позже она поймёт, что эта «рукопись» уже начала писать её собственную историю.

Глава 3

Он не должен был о ней думать.

Прошло уже несколько часов, но внутри всё зудело, как послевкусие плохого адреналинового отката. Случайная встреча в пробке, пара брошенных фраз под рычание моторов – обычный городской мусор, который должен был вылететь из головы на следующем же перекрёстке. Но эта женщина *Твою ж мать*. Она застряла в мыслях, как битое стекло в протекторе: не видно, но каждый поворот отзывается острой болью.

Макс Дрейк сидел в VIP-зоне Chili, вцепившись в стакан с виски так, словно хотел раздавить стекло. Басы клуба тяжёлыми кувалдами били в пол, вибрировали где-то в районе солнечного сплетения, но он не слышал музыки. Он видел перед собой только красный байк и этот чёртов взгляд из-под визора – прямой, спокойный и тошнотворно равнодушный.

И этот ёбанный хмык. Короткий. Почти беззвучный. Словно она просканировала его за секунду, нашла диагноз и отправила в корзину с пометкой «не годен».

Он усмехнулся, вспоминая её фразу, но улыбка получилась кривой, больше похожей на оскал. Макс не привык к тому, чтобы его игнорировали. Особенно женщины.

Это было поражение. Чистое, дистиллированное поражение в схватке, которая длилась всего десять секунд. Он чув-

ствовал его остро, как занозу под кожей, которая начинала нарывать, отравляя всю кровь.

– Ты чего такой задумчивый? – голос Алекса прорезал гул басов, как зазубренная пила.

Макс поднял тяжёлый взгляд. Его механик стоял рядом, небрежно привалившись к кожаному дивану с бутылкой пива в руке. В его глазах светилось то самое панибратское любопытство, которое Макс позволял только ему.

– Всё в норме, – коротко бросил Дрейк, надеясь, что тот отвяжется.

– Ага. Расскажи это кому-нибудь другому. – Алекс бесцеремонно плюхнулся рядом, заставляя дорогой диван просесть. – Ты уже полчаса гипнотизируешь этот несчастный виски. У тебя такой взгляд бывает только в двух случаях: либо когда мотор сдох, либо когда что-то пошло не по плану.

Макс промолчал, чувствуя, как на челюстях перекачиваются желваки. Алекс был прав. Что-то действительно шло не по плану. Вернее – кто-то.

Музыка в клубе ввинчивалась в уши, девчонки на танцполе изгибались в эротичном ритме, то и дело бросая в сторону его VIP-ложи многообещающие взгляды. Раньше этого было достаточно. Отработанный сценарий: он выбирал одну или двух, короткая ночь, пустая постель к утру. Но сегодня всё это казалось пресным, как картон. Ни одна из них не вызвала в нём даже искры.

Потому что в его голове, как заевшая плёнка, крутился

один и тот же кадр: красный перламутр байка и холодные глаза женщины, которая не просто не узнала его. Она даже не дала ему возможности начать эту игру. Просто вычеркнула его из реальности, прежде чем раствориться в потоке, оставив на память лишь горький запах выхлопа и незавершенности.

– Алекс, ты в курсе, что за баба в этом городе рассекает на кастомном красном Харлее?

Алекс даже не повернул головы. Он стоял у края ложи, лениво сканируя танцпол и потягивая пиво прямо из горлышка.

– С хуя ли мне это знать?

– Потому что ты, блядь, единственный псих, который в этом городе собирает стоящее железо.

Механик фыркнул, наконец удостоив его взглядом.

– Я бы запомнил, если бы ковырял такой проект. Это не та херня, которую пропускаешь мимо. В чём прикол?

Макс сделал глоток, лениво покачивая стакан. Лёд с тихим колючим стуком ударился о стенки. Перед глазами снова всплыла её посадка: то, как она влипала в седло, как держала руль – по-хозяйски, без тени суеты.

– Сегодня в пробке видел. Спортстер. Выхлоп кастомный, воздушник, заниженная подвеска. Работа ювелирная. И дорогая.

Алекс чуть прищурился. В его взгляде впервые за вечер мелькнул профессиональный интерес.

– И баба в седле? Серьёзно?

– Более чем.

Алекс присвистнул – короткий резкий звук на мгновение перекрыл синтетический бит, пульсирующий в стенах клуба.

– Редкая тема. Обычно чиксы покупают стоковый байк, делают пару селфи для соцсетей и считают себя королевами дорог.

Макс усмехнулся. Он всё ещё кожей чувствовал то электричество, которое осталось после её ухода.

– Вот именно. Эта не выёбывалась. Она ехала так, будто байк – продолжение её собственного позвоночника.

– И чего ты хочешь? – Алекс допил пиво и выжидательно уставился на Макса.

– Хочу найти.

Механик хмыкнул, доставая из кармана пачку сигарет.

– Ты сейчас про девку или байк?

– Я про проблему, которая начала меня бесить.

Макс замолчал, не сводя глаз с виски. Его выводило из себя не то, как она выглядела, и даже не сам манёвр на светофоре. В ней чувствовалась иная порода. Чужая. Недоступная. Дикая. Что-то, что в корне не вписывалось в его систему координат – и именно поэтому превратилось в его единственный вектор.

К полуночи, когда воздух был совсем тяжёлым от дыма и басов, стало ясно: просто так это не отпустит.

Он сощурился, и в глубине зрачков вспыхнул азарт – тот

самый, что гнал его на трек в самый безнадёжный ливень и не знал слова «хватит».

Найти её. Любой ценой. Даже если для этого придётся перевернуть этот город вверх дном.

Макс потянулся к телефону и набрал номер Энцо. Агент ответил после третьего гудка – профессиональная деформация заставляла его быть на связи двадцать четыре часа в сутки, даже если на другом конце назревала катастрофа абсурда.

– Макс, сейчас почти час ночи, – голос Энцо прозвучал глухо, прорываясь сквозь сонную одурь.

– Мне нужна твоя помощь.

– С чем? – Сонливость исчезла мгновенно, сменившись настороженностью. Энцо знал: если Дрейк звонит в такое время, значит, он либо в тюрьме, либо мир вокруг него уже охвачен пламенем.

– Нужно найти человека.

– Кого именно?

Макс прикрыл глаза, снова вызывая из темноты алое пятно байка и тот дерзкий, почти издевательский разворот плеч в чёрной коже. И эти чёртовы зелёные глаза

– Женщина. Красный Спортстер. Видел сегодня в центре.

В трубке повисло молчание. Оно было настолько тяжёлым, что Макс почти физически почувствовал, как агент на том конце провода массирует переносицу.

– Ты ебанулся? – наконец выдохнул Энцо.

– Возможно, – Макс даже не пытался отрицать очевидное. Внутри него пульсировало что-то, не имеющее ничего общего с благоразумием.

– Макс, у меня завтра переговоры со спонсорами, послезавтра – грёбаная пресс-конференция. А ты звонишь мне ночью, чтобы я искал тебе какую-то девку на мотоцикле?

– Да, – отрезал Макс. В этом коротком звуке было столько свинцовой тяжести, что возражения застревали в горле.

Энцо тяжело, обречённо выдохнул. Он слишком хорошо знал своего подопечного: если Дрейк вонзил во что-то зубы, он не разожмёт челюсти, пока не почувствует вкус крови.

– Ты сейчас серьёзно?

– Абсолютно.

Утром Макс уже сидел в офисе Энцо. Кабинет, как всегда, выглядел безупречно – торжество стекла, холодных линий и благородной чистоты, в которой не нашлось места ни одной лишней детали. Здесь всё было пропитано контролем, жёстким порядком и запахом очень больших денег.

Сам Энцо устроился за массивным столом с чашкой эспresso и смотрел на Макса с выражением человека, которому предстояло иметь дело с идиотом.

– Ну?

Макс пожал плечами.

– Вчера в пробке видел одну.

Энцо устало прикрыл глаза. В этом жесте было столько обречённости, будто он уже просчитал все последствия этой новой блажи своего друга.

– Макс

– Да дослушай ты.

И он коротко, без лишних деталей, рассказал всё. Описал её байк, взгляд, и то, как она уехала, не оставив ему даже шанса на ответ. Говорил – и воздух в кабинете, казалось, становился суше от его едва сдерживаемой одержимости.

Энцо медленно сделал глоток кофе, словно пытался смыть этим напитком абсурдность ситуации.

– То есть тебя задело, что тебя не узнали?

Макс взъерошил себе волосы – небрежно, почти нервно.

– Меня задело, что ей было похуй.

– И поэтому ты звонишь мне среди ночи с просьбой найти?

– Именно поэтому.

Энцо смотрел на него и видел не просто знаменитого гонщика, приносящего миллионы, а мужчину, который впервые в жизни на полной скорости врезался в стену. И эту стену нельзя было ни объехать, ни пробить чековой книжкой.

– У тебя полгорода девчонок, которые готовы вешаться тебе на шею, стоит только щёлкнуть пальцами. Объясни мне, нахрена тебе та, которой ты даже не интересен?

Макс чуть подался вперёд, упираясь локтями в колени.

– Потому что все остальные – одинаковые, Энцо. Реакции,

взгляды, стоны. Всё по одному чертовому шаблону. А эта...

Он замолчал, и в тишине кабинета отчётливо прозвучал сухой резкий хруст его пальцев.

Энцо хмыкнул, откидываясь на спинку кожаного кресла.

– О, понятно. Самолюбие заиграло.

Макс посмотрел на него в упор. Взгляд был спокойным, но в глубине зрачков застыла ярость.

– Меня бесит, что я вообще о ней думаю.

Энцо тяжело выдохнул, глядя на своего самого проблемного и самого прибыльного клиента. Спорить было бесполезно: Макс уже закусил удила.

– Ладно. Дай мне день. Но если это закончится скандалом, я умою руки.

Агент сдержал слово. Ближе к вечеру следующего дня на телефон Макса пришло короткое сообщение:

«Нашёл. Заходи».

Гонщик был в офисе через двадцать минут. Энцо сидел за компьютером, вглядываясь в данные на мониторе. Услышав шаги, он молча развернул экран.

– Лия Нокс. Тридцать девять лет. Старший редактор в Silverline House Publishing. Живёт одна, старый дом в тихом районе. В соцсетях – стерильно: заброшенный профиль в LinkedIn и ни одного селфи. По клубам не ходит, на треках не светила, в тусовках не фигурирует.

Макс не перебивал, жадно впитывая информацию.

– Мотоцикл купила три года назад, стоковый Harley-Davidson. Судя по истории заказов запчастей – кастом действительно собирала сама. Руки у неё растут из правильного места.

– Очень симпатичного места, – улыбнулся Макс.

В кабинете стало непривычно тихо. Дрейк смотрел на фото из базы данных и даже на нём ощущался тот самый колючий взгляд, который не давал ему спать.

«Лия Нокс. Тридцать девять»

Он перечитал цифру ещё раз. И едва заметно усмехнулся. Четырнадцать лет разницы.

Это должно было его остановить. Хотя бы формально. Но вместо сомнений внутри возникло знакомое колющее чувство. Возраст добавлял её безразличию веса – и только.

– Она вообще не из твоего мира, – продолжал Энцо, наблюдая за его реакцией. – Никаких точек пересечения. Никаких общих знакомых. Книги, работа, тихая жизнь. Ты рассчитывал на очередную тусовщицу, а получил интроверта со стажем.

Макс промолчал. Энцо был чертовски прав.

Он ждал привычного набора: клубы, гонки, бесконечные селфи и жажда внимания. Кого-то, чей интерес можно было купить, перехватить или просто взять силой харизмы. А вместо этого – женщина в автономной реальности, где его статус не работал, а имя не значило ровным счётом ничего.

Любой другой на его месте уже остыл бы.

Но, блядь. Нет. Это только выкрутило ручку его одержимости до упора.

– Адрес?

Энцо обречённо выпустил из легких воздух, вырвал листок из блокнота и что-то быстро набросал.

– Макс, только без херни. Серьёзно.

– Да расслабься ты.

Парень забрал бумажку – короткое, почти воровское движение. Сжал листок в кулаке, чувствуя, как внутри наконец расслабляется тугая жила ожидания.

– Я тебя слишком давно знаю, – сухо бросил вдогонку Энцо. – Если ты так вцепился, это никогда не заканчивается ничем нормальным. Не лезь туда, Дрейк. Это не твой уровень сложности.

Макс направился к двери. Остановился у самого порога и медленно обернулся. На лицо вернулась ухмылка – ленивая, раздражающе уверенная.

– Я просто посмотрю, Энцо. Одним глазком.

– Ну да, – хмыкнул агент, глядя ему в спину.

Тяжёлое полотно двери глухо отсекло кабинет с его правилами от мира, в котором Макс уже вовсю стремился их нарушить.

Вечер был душным, пропитанным запахом нагретого асфальта и пыли.

Макс припарковал RAM через дорогу от нужного дома

и заглушил двигатель. Старое здание с облупившейся штукатуркой и узкими окнами замерло в тихом переулке, где жизнь, казалось, замедлялась до полной остановки. Он поднял взгляд на второй этаж. Одно из окон пульсировало мягким янтарным светом.

Вышел из машины, прислонился к капоту и закурил, не сводя глаз с этого светящегося прямоугольника.

Через минуту в окне появилась она. В растянутой футболке и коротких домашних шортах, с волосами, небрежно заколотыми на макушке. Лия что-то делала у плиты, и сквозь открытую створку окна до него докатился звук.

Музыка. Тяжёлый, вязкий рок с утробными басами и рваным гитарным перегрузом. Этот звук был слишком агрессивным, слишком «неправильным» для такой сонной улицы.

И под этот грубый ритм она танцевала. Двигалась с какой-то издевательски естественной пластикой, которая совершенно не вязалась с тяжестью трека. В её движениях не было желания кому-то понравиться – только чистая потребность сбросить с себя этот день.

Макс замер, забыв о сигарете.

Он видел её на байке – собранную, точную, как лезвие ножа. Видел её колючую насмешку. Но здесь, в свете кухонной лампы, она была другой. Свободной. До странного настоящей. И эта её внезапная настоящность притягивала сильнее, чем любая сексуальная провокация.

Почувствовал, как внутри, где-то под рёбрами, туго сво-

рачивается узел.

Ох как я хочу тебя, детка. Я заставлю тебя танцевать под мой собственный ритм.

Смотрел, как она вскидывает руки, как плавно разворачивается в тесном пространстве кухни, как улыбается каким-то своим мыслям. И в этот момент в груди возникло нечто, чего он не смог опознать.

Это не было похотью. Не было тем голодом, который он привык утолять бескомпромиссно. Что-то непрошеное, тёплое и совершенно лишнее – просачивалось под кожу, вызывая глухое раздражение.

Макс медленно выдохнул. Он привык к простым понятным импульсам: азарту гонки, голому сексу, вещам, которые подчиняются его воле. Но сейчас что-то упрямо выбивалось из схемы.

Лия продолжала двигаться в своём ритме, отрезанная от всего мира золотистым светом окна. Танцевала так, будто в этой вселенной не существовало никого, кроме неё и хриплой музыки.

И эта её самодостаточность, её пугающая целостность завораживала сильнее, чем самый глубокий вырез платья.

Макс сжал кулаки, заставляя себя отвести взгляд. Нужно было уезжать. Прямо сейчас. Пока это странное ощущение не просочилось слишком глубоко.

Но он не сдвинулся с места.

Лишь медленно провёл ладонью по металлу капота и сно-

ва поднял глаза. На светящееся окно. На женщину, которая каким-то абсурдным образом сумела взломать привычный порядок его мира.

Уверенность поднималась медленно – холодная, упрямая, окончательная.

Она моя.

Неважно, знает ли она об этом. Неважно, сколько лет разницы и сколько миров их разделяет. Оставалось только одно – сделать так, чтобы она это поняла.

Глава 4

Сообщение от Энцо пришло ближе к обеду – как всегда, лаконичное и бьющее точно в цель.

«Сегодня твоя Лия заедет в North Wind Motor. Около пяти».

Макс перечитал строку несколько раз, смакуя каждое слово. Ни удивления, ни тени сомнения – только знакомое холодное предвкушение, медленно растекающееся по венам. Он едва заметно повёл уголком губ, заблокировал телефон и поднялся с кресла.

Вот и всё. Моя Лия.

Это словосочетание ощущалось на языке правильно. Властно. Так, будто мир наконец-то вернулся в свою колею, и теперь всё остальное лишь вопрос времени и техники. Он знал это место: North Wind был элитным сервисом для тех, кто понимает в железе.

Капкан взведён, и Дрейку не терпелось увидеть, как она в него шагнёт. В его мире случайности были лишь плохо подготовленными закономерностями, а готовиться он умел.

Парень вышел на парковку, и в каждом его движении сквозила та самая собранная, опасная точность, которую он обычно приберегал для стартовой прямой. Рёв его Доджа отозвался в груди довольным рыком. Начиналось самое интересное.

Мастерская-магазин оказалась неожиданно живой. Не вылизанной витриной для богатых мотоциклистов, а местом, где всё ещё пахло маслом, резиной и работой. Пространство выглядело предельно функциональным, честным и лишённым всякой мишуры. Макс вошёл неторопливо, устроившись у стойки с видом человека, который никуда не спешит, хотя внутри него всё было натянуто до предела.

Время превратилось в вязкий сироп.

Глухой, утробный рокот прорезал тишину улицы внезапно, пробиваясь сквозь витрины. Тот самый звук. В груди Макса коротко полыхнуло что-то резкое.

Она.

Гонщик даже не повернул головы – только едва заметно повёл плечом, расслабляя напряжение, которое сам в себе не заметил.

Дверь распахнулась. Лия вошла в шлеме, в чёрной коже и перчатках, с той естественной собранной грацией, которая выдавала в ней профи. Сняла шлем на ходу, и тёмные волосы тяжёлой волной рассыпались по плечам.

Косуху расстегнула привычным, машинальным движением. Под молнией куртки оказался тонкий тёмный топ. Всего лишь простая деталь. Но в полумраке магазина, среди запаха масла и железа, подействовала как прямой удар под дых.

Макс медленно поднял взгляд, чувствуя, как во рту становится сухо.

Чёрт.

Она замерла у витрины, сосредоточенно изучая детали, и лишь тогда он подал голос – лениво, почти равнодушно:

– Не подойдёт.

Лия повернула голову медленно, без тени суеты. В этом движении было столько врождённого контроля, что Макс ощутил это кожей. Зелёные глаза скользнули по нему коротким оценивающим взглядом – прохладным и абсолютно пустым, словно он был не более чем вывеской на стене.

– Простите?

Макс чуть склонил голову, и в его зрачках, потемневших от закипающего азарта, мелькнула насмешка.

– Мы уже встречались.

Она слегка прищурилась, изучая его лицо. В этом взгляде не было и капли кокетства.

– Правда?

– В пятницу. Пробка в центре. Светофор. Тёмно-серый RAM.

На секунду в её глазах мелькнуло узнавание – словно она выудила из памяти малозначительный, пыльный факт.

– А-а – она чуть качнула головой, и на её губах промелькнула тень улыбки, в которой не было ни грамма тепла. – Водитель огромной машины с таким же огромным эго?

Укол прозвучал мягко, почти ласково, но удар пришёлся точно в цель – прямо в центр его выверенной самоуверенности. Макс почувствовал, как этот вызов подстёгивает

кровь сильнее любого адреналина на треке. Угол рта дёрнулся вверх – не улыбка, а что-то опаснее.

– Приятно, что хоть что-то во мне ты запомнила.

– Не обольщайся, – отрезала она, уже теряя к нему интерес.

Байкерша спокойно отвернулась к витрине, всем своим видом показывая: лимит его времени исчерпан, страница перевернута. Макс, однако, не сдвинулся ни на дюйм. Едва заметно кивнул на металлическую деталь, которую она продолжала сжимать в руках.

– У этой серии крепления другие.

– Я в курсе, – бросила она, даже не глядя на него.

– Тогда зачем тебе то, что заведомо не подходит?

В его голосе проскользнула та самая едва уловимая нотка снисходительного превосходства, которая обычно заставляла людей либо оправдываться, либо беситься.

Лия медленно вернула ему взгляд. Без спешки. В этом взгляде не было и тени того раздражения, на которое он рассчитывал.

– Ты удивишься, – её голос звучал ровно, как работа идеально отстроенного мотора, – но я всегда понимаю, что делаю. И зачем.

Макс на секунду прищурился, впитывая её непоколебимость, как дорогой наркотик. Внутри что-то щёлкнуло – тихо, окончательно.

М-м-м.

Вот теперь это становилось по-настоящему интересно.

Он просто стоял у витрины, наблюдая, как Лия выходит из магазина с той же беспечной уверенностью, с которой только что ставила на место его самолюбие. Натянула шлем, скрывая лицо за непроницаемым визором. Лёгким, отточенным движением перекинула ногу через седло и пробудила зверя. Глухое рычание двигателя на мгновение заглушило шум улицы – и через секунду красный силуэт уже растворился в сером потоке машин.

Она уехала, не оглянувшись. Опять.

Макс смотрел на пустую дорогу. Эта женщина ломала его сценарии, не прилагая к этому ни малейших усилий – просто существуя в своём грёбаном отдельном мире. Это бесило до дрожи в пальцах. И именно поэтому цепляло с такой силой.

Он вышел из магазина, не глядя по сторонам. С каждым шагом чувствовал, как внутри медленно разгорается нечто тёмное, упрямое и абсолютно одержимое. Охота перестала быть забавой – она стала физической необходимостью.

Пикап скользил по вечерним улицам, разрезая густеющий сумрак. Макс вёл машину на автомате, не фиксируя ни знаков, ни лиц. Мысли с мазохистским упорством возвращались к одному – к её глазам цвета колумбийского изумруда и этому пронзительному, выбешивающему спокойствию.

Тебе нравится играть, детка. Но ты даже не представляешь, как приятно мне будет поиграть с тобой.

Он до хруста сжал руль, словно пытаясь раздавить это навязчивое воспоминание, но оно лишь крепче впивалось в сознание.

Чёртова женщина. Она просочилась под кожу глубже, чем он готов был признать.

Телефон на панели ожил, залив салон резким светом. Энцо. Макс принял вызов, не отрывая взгляда от дороги.

– Что ещё?

– Приветствие отменяется, ладно, понял, – голос агента звучал сухо, по-деловому. – Слушай, у нас движуха со спонсорами. Vanguard Automotive хочет биографическую книгу. Часть имиджевой кампании. Ты, трек, путь к успеху, вся эта вдохновляющая хрень. Они настаивают, что это повысит узнаваемость бренда и твою медийность.

Макс поморщился, чувствуя, как к горлу подкатывает привычное раздражение от корпоративных игр.

– Книгу? Серьёзно?

– Абсолютно. Контракт подписан, бюджет выделен. Осталось найти издательство и редактора.

Макс плавно притормозил на светофоре. Барабанил пальцами по рулю. Книга. Его жизнь, разложенная на страницы, выставленная на витрины, вывернутая наизнанку чужими руками. Обычно такие вещи вызывали у него лишь глухое неприятие.

Но сейчас

О-о да.

Он медленно выпрямился, чувствуя, как по телу разливается горячее предвкушение. Челюсти сжались в коротком, жёстком удовлетворении.

– Энцо, – сказал он тихо, – говоришь нужно издательство?

– Да. Я уже начал смотреть варианты. Есть несколько крупных игроков, которые

– Silverline House Publishing.

В трубке повисла короткая недоумённая пауза.

– Что?

– Silverline House Publishing, – отчётливо повторил Макс.

– Свяжись с ними. Скажи, что мы хотим работать с ними. Без вариантов.

– Макс, это не самый топ. Есть варианты лучше, с международным охватом, с

– Мне нужно именно это.

Наступила долгая пауза. Макс почти видел, как Энцо на другом конце провода массирует виски.

– Почему?

Во взгляде Макса, отражённом в зеркале заднего вида, вспыхнул тот самый азарт, который заставлял его входить в повороты на грани фола.

– Потому что я так сказал.

– Макс

– Сделай это, Энцо. И ещё одно условие. Редактор. Я хочу, чтобы проект вёл конкретный человек.

– Кто?

– Лия Нокс.

– Блядь, ну конечно! Кто бы сомневался, – обречённо выдохнул Энцо.

Тишина, повисшая в трубке, стала почти осязаемой.

– Ты задрал, Дрейк, – наконец выдавил агент, и в его голосе поражение смешивалось с плохо скрытой тревогой. – Это уже не интерес. Это чистая одержимость.

– Называй как хочешь. Просто сделай то, что я сказал.

– А если она откажется?

– Не откажется.

– Откуда такая уверенность?

Макс едва заметно дёрнул уголком губ.

– Потому что это её работа. И потому что я предложу столько, что издательство вывернет её наизнанку, лишь бы она согласилась.

Энцо вздохнул – долго и устало. Так вздыхают люди, вынужденные участвовать в чужом безумии.

– Ты понимаешь, что так дела не делаются?

– Понимаю.

– И тебе плевать?

– Совершенно.

Наступила тяжёлая пауза.

– Твою мать, Дрейк! Ладно, – наконец сдался Энцо. – Дай мне пару дней. Но если это выйдет нам боком, я придушу тебя собственными руками.

Макс коротко, хрипло рассмеялся.

– Не выйдет.

Он сбросил звонок и откинулся на спинку сиденья, позволяя тяжёлому внедорожнику плавно течь в потоке. Внутри детали сложного механизма наконец вошли в пазы – тихо, без лишнего шума. Именно так бывает, когда план перестаёт быть планом и становится неизбежностью.

Она могла не оглядываться. Могла и дальше делать вид, что его не существует в её выверенной жизни. Это больше не имело значения.

Совсем скоро Лия Нокс будет вынуждена сидеть напротив него. Будет вынуждена слушать его голос, ловить его взгляд и часами дышать с ним одним воздухом. Хочет она этого или нет. Он просто купил себе право на её время – и, чёрт возьми, это была лучшая инвестиция в его жизни.

Макс смотрел на убегающую вдаль ленту шоссе. В играх, где правила устанавливает он сам, Макс Дрейк никогда не проигрывал.

Глава 5

В Silverline House Publishing Лия Нокс чувствовала себя в безопасности.

Не потому, что испытывала к этому месту нежные чувства – любовь была бы слишком громким и неуместным словом для пространства, залитого мертвенным светом люминесцентных ламп. Просто здесь всё подчинялось почти математической логике – как ни парадоксально для кузницы литературных шедевров. Тексты приходили сырыми, хаотичными и полными фальши, а уходили выверенными, строгими и дисциплинированными. Авторы изнывали от нервов, вступали в яростные споры или рассыпались в благодарностях, но Лия оставалась беспристрастным судьёй.

В этом бесконечном, вязком круговороте чужих амбиций и вымышленных драм было что-то удивительно устойчивое. Понятное. И именно эту предсказуемость Лия ценила всё больше. С годами офис стал её личным убежищем от дисбаланса внешнего мира, где всё можно было исправить красной ручкой. Здесь она была хозяйкой положения, архитектором чужих смыслов, и, казалось, ничто не могло нарушить этот порядок.

Лия быстро шла по узкому коридору, прижимая к боку увесистую распечатку, исчерканную ядовито-красными по-

метками, как поле боя. Её движения были чёткими и экономными; она раздавала короткие, почти механические кивки знакомым лицам, не давая никому ни единого шанса зацепиться за неё взглядом и замедлить её шаг.

Вокруг пульсировала обычная редакционная жизнь, шум которой давно стал для неё естественным фоном – плотным коконом, внутри которого она чувствовала себя в абсолютной безопасности.

– Лия!

Она замерла у своего стола. Люк стоял рядом с таким видом, будто уже вечность собирался с духом, прежде чем вторгнуться в её личное пространство. Высокий, с той едва уловимой угловатой грацией, которая выдаёт людей, ещё не осознавших собственную привлекательность, Люк выглядел слишком свежим для этих стен. На его лице застыло неизменное выражение сосредоточенного энтузиазма.

Редкий, почти вымирающий в этом бизнесе экземпляр – человек, который всё ещё искренне верил в литературу и светлое будущее книжного мира.

– Ты сегодня снова реанимировал чью-то гениальность? – спросила Лия, бросая «убитую» рукопись на стол.

Люк мгновенно оживился, подаваясь вперёд.

– Там всё не так безнадежно, как ты думаешь! – начал он с привычным жаром. – У него действительно сильный голос, просто структура немного сырая.

Редактор невольно усмехнулась, чувствуя, как её соб-

ственный лёд на секунду подтаивает. Люк всегда говорил об авторах как о тяжелобольных пациентах, а не как о самолюблённых типах, способных за одну ночь методично вынести мозг всей редакции. В этой его наивности было что-то обезоруживающее – жалкое, но вызывающее странную симпатию.

Не глядя, Лия опустилась в кресло, которое отозвалось коротким, привычным скрипом.

– Дай угадаю, – бросила она, машинально перелистывая страницы, испещрённые справедливыми замечаниями. – Автор опять «немного не так понял концепцию правок»?

Люк тихо рассмеялся – с той осторожной вежливостью новичка, который ещё не успел обрасти офисным панцирем.

– Он слишком эмоционально вовлечён в текст.

– Они все в него вовлечены, Люк, – сухо отрезала она, не поднимая головы. – Это не достоинство, это диагноз.

Люк замялся, переминаясь с ноги на ногу. В этот момент он выглядел совсем мальчишкой, застрявшим между желанием угодить коллеге и верой в своего протеже.

– Но у него правда есть стоящие куски. Очень сильные диалоги. И вообще он старается.

Лия наконец подняла взгляд. Смотрела на него мгновение, ловя этот чистый, ещё не замутнённый разочарованием блеск в глазах. Именно за это она его и выделяла: он действительно верил. В тексты, в авторов, в призрачную идею о том, что любую безнадёжную историю можно вытянуть до

состояния, когда она зазвучит по-настоящему.

Трогательно. И невыносимо для того, кто давно разучился верить в чужое «стареется». Литературе плевать на старания. Ей нужен результат.

– Люк, – произнесла она чуть мягче, – запомни. Если автор клянётся, что всё переписал, это значит, что он передвинул три запятых и влил ведро лишних страданий в пролог.

Он рассмеялся – слишком искренне, слишком живо для этих стен. Лия невольно улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Люк тут же это заметил и на секунду замер, будто каждый раз удивлялся самому факту её человечности.

Забавный.

– Я всё равно считаю, что ему нужен шанс, – упрямо добавил он.

– Конечно, считаешь. Ты ещё не переварил свою первую сотню безнадёжных рукописей.

– А ты просто циничная.

Лия прищурилась и медленно, ритмично постучала карандашом по краю стола – звук, похожий на тиканье часового механизма.

– Осторожнее.

Люк мгновенно вспыхнул. Краска залила его лицо, выдавая его с потрохами.

Боги, какой он милашка.

– В хорошем смысле! – поспешно поправился он. – В смысле... профессионально.

Лия усмехнулась. Ей нравилось, как быстро он умеет давать заднюю, не теряя при этом лица.

– Уже лучше.

Люк продолжал стоять у стола, явно не собираясь уходить. Застрял в её пространстве, как случайная фраза в чужом тексте – не по теме, но почему-то не вычеркнутая.

– Ты что-то ещё хотел? – Лия посмотрела на него снизу вверх, сохраняя маску вежливого ожидания.

Он замялся. Короткая пауза, в которой паники было больше, чем решимости. Люк провёл ладонью по затылку – жест нервный, мальчишеский.

– Вообще-то да. Ты сегодня выглядишь – он запнулся, наткнувшись на её холодный взгляд, но упрямо договорил: – очень красиво.

Тишина, повисшая между ними, была неожиданной, как порыв ветра в наглухо запёртой комнате. Лия медленно моргнула. Она искала в его голосе привычную фальшь: заигрывание или попытку выбить поблажку по работе. Но там была только обезоруживающая, болезненная честность.

Чёрт.

Вот за это с ним и было сложно. Против расчёта у неё была броня. Против такой искренности – нет.

– Люк...

– Я не в том смысле, – поспешно добавил он, окончательно проигрывая битву со смущением. Заговорил быстрее, отчаянно пытаясь выплыть из собственного косноязычия. – То

есть в том, но это не лезть ради лести. Правда.

В этом его барахтанье было нечто освежающее, почти девственное на фоне их прожжённого насквозь окружения.

– Это самый хаотичный комплимент, который я слышала за последние годы, – признала она.

Он улыбнулся – чуть облегчённо, но всё ещё напряжённо, балансируя на грани между надеждой и готовностью к профессиональной казни.

– Я просто подумал, что должен был это сказать.

Она качнула головой, сдерживая улыбку, которая так и норовила размыть её выверенный годами холод.

– Опасная стратегия для редактора, Люк.

– Почему?

– Потому что после таких заявлений люди обычно начинают ожидать взаимности.

Люк выдержал её взгляд неожиданно стойко. Вся его суетливость вдруг испарилась, словно он переключил внутренний предохранитель.

– Я ничего не ожидаю, Лия.

Это прозвучало уже совсем по-взрослому. Без юношеского надрыва и лишнего кокетства. В его голосе прорезалась твёрдость, которую Лия никак не ожидала в нём найти. Она замолчала, чувствуя, как привычный скепсис начинает расходиться по швам.

Интересный парнишка. Очень.

Лия открыла рот, чтобы ответить, но внезапный сбой в

ритме общего зала заставил её замолчать.

Сначала изменился звук. Сам темп. Тот самый неуловимый сдвиг, который возникает в любом коллективе, когда в привычное пространство входит кто-то, кого невозможно не заметить. Разговоры начали обрываться на полуслове, зависая в воздухе неловкими обрывками фраз. Где-то у принтера кто-то тихо выругался. Чьи-то шаги резко замедлились, а затем и вовсе стихли.

Люк нахмурился и машинально обернулся, заразившись общим беспокойством. А через секунду замер – словно наткнулся на невидимую преграду.

В стеклянных дверях редакционного зала, чётко очерченный холодным светом, стоял он.

Офис буквально застыл, превращаясь в стоп-кадр. Кто-то резко выпрямился в кресле, кто-то так и остался стоять с зажатой в руке чашкой кофе. Узнавание прокатилось по помещению мгновенно, без всяких объявлений, тяжёлой волной накрывая присутствующих.

- Это же
- Да ладно
- Охренеть

Имя ещё никто не рискнул произнести вслух, но шок уже читался на лицах, как жирный заголовок на первой полосе.

Макс Дрейк. Легенда команды Porsche, абсолютный бог скорости и человек-скандал. Тот, кого здесь уж точно никто

не ожидал увидеть. Не в этом пыльном мире букв и высокой прозы.

Макс скользнул по залу коротким, привычно-равнодушным взглядом. В помещении мгновенно воцарилась та особая душная тишина, в которой каждый внезапно начинает делать вид, что смертельно занят, при этом украдкой пожирая гостя глазами. Он был здесь слишком ярким, слишком опасным, слишком дорогим для этого унылого пространства.

Лия наблюдала за происходящим с лёгким недоумением. Реакция коллег казалась ей чересчур бурной – офис словно накрыло невидимым куполом статического электричества. Она перевела взгляд на Люка. Тот всё ещё стоял неподвижно, уставившись в сторону входа с выражением такого абсолютного ошеломления, будто прямо в центре редакционного зала только что совершил посадку инопланетный корабль.

Лия медленно проследила направление его взгляда, и её брови едва заметно поползли вверх.

– А-а – произнесла она почти равнодушно, с той самой прохладной редакторской интонацией. – Так это тот чувак с раздутым эго. И что он тут забыл?

Люк резко повернул к ней голову. Его глаза округлились так, словно она только что совершила святотатство.

– Ты что, с ума сошла?! – выдохнул он почти шёпотом, вцепившись в край её стола. – Лия, это же Макс Дрейк!

Глава 6

Макс не успел отойти от стойки ресепшена, когда боковое зрение зацепило её. Лия сидела в углу опенспейса – окуклившаяся в своей сосредоточенности, отгородившаяся от офисного шума чем-то плотным и невидимым, будто между ней и миром стояло толстое стекло. Чёрная блузка почти сливалась с тенями, тяжёлое полотно волос закрывало лицо. Она вчитывалась в документы с такой методичной интенсивностью, что нарастающий шум вокруг был просто атмосферным явлением – дождём за чужим окном. Даже Люк, всё ещё застрявший в орбите её стола, казался здесь чем-то посторонним.

Редактор подняла взгляд ровно в ту секунду, когда он замер напротив.

Воздух между ними мгновенно набрал плотность – что-то живое, заряженное, готовое лопнуть. Макс позволил себе медленную, ленивую усмешку и подмигнул – коротко, нарочито дерзко. Породистое самодовольство, отточенное годами и скоростью: жест, от которого у одних темнело в глазах от желания, у других – от ярости.

Лия не шелохнулась. Выражение лица оставалось непроницаемым, с тем профессиональным спокойствием, которое не допускает лишних эмоций. Но в глубине зелёных глаз на мгновение полоснуло узнавание – острое, как след от пореза,

который ещё не успел почувствовать боль.

А затем она просто отвернулась. Вернулась к бумагам, вычёркивая его из своей реальности одним движением ресниц. Ледяное, намеренное безразличие – не защита, а приговор.

Усмешка Макса стала шире. Он поймал этот короткий всплеск прежде, чем она успела его убрать – поймал и удержал.

Попалась.

– Господин Дрейк! – пространство прорезал голос, полный приторного восторга.

Неизвестно откуда рядом оказался Фил Хэммонд, директор издательства. Мужчина лет пятидесяти в костюме, который сидел на нём лучше, чем его совесть. Руку он протянул раньше, чем подошёл достаточно близко, улыбаясь так поспешно и угодливо, что истинный интерес даже не пытался прятаться.

– Какая честь! Мы польщены, что для своей биографии вы выбрали именно нас.

Рукопожатие Хэммонда было чересчур плотным. Он вцепился в ладонь Макса так, словно пытался присосаться к чужой славе.

– Надеюсь, ваши амбиции подкреплены результатом, – ровно отозвался Макс, не улыбнувшись. Ему не нужно было быть вежливым – он купил это право вместе с контрактом.

– Безусловно! У нас лучшие кадры, – Хэммонд разве что

хвостом не вилял, увлекая гостя вглубь офиса. – Пройдёмте в кабинет. Кофе? Или, может быть, чего-нибудь покрепче?

Макс последовал за ним, и на ходу обернувшись назад. Лия больше не смотрела в бумаги. Она сверлила его спину тяжёлым взглядом, и между бровей залегла едва заметная складка – не тревога, а пересчёт. Инквизитор начинала осознать во что вляпалась.

Кабинет директора источал именно ту роскошь, которая бывает, когда деньги есть, а вкус так и не появился: тяжёлый дуб, полки с книгами, явно для интерьера, а не чтения, кожа и позолота в строго отведённых местах. Хэммонд суетился – усаживал Макса, предлагал воду, кофе, снова воду, вёл себя так, будто ценный актив мог передумать и уйти в любую секунду.

– Итак, – директор наконец опустился напротив. – Концепция вашей книги – это бомба. Биография, изнанка гоночного мира, цена успеха Читатели обожают такие откровения. Это золото, господин Дрейк.

Макс слушал вполуха. Маркетинговая чушь его не трогала. В этом механизме его интересовала лишь одна шестерёнка.

– Кто редактор? – спросил он, срезая поток слов Хэммонда.

– О, мы подготовили для вас лучшую. Лия Нокс. Наш главный калибр. Профессионал с жёстким стилем

– Я работаю только с ней, – Макс перебил его мягко.

Но в этом тоне вдруг стало слишком мало пространства для возражений.

– Моё обязательное условие.

Хэммонд моргнул, сбитый с толку этой категоричностью, но тут же закивал:

– Разумеется! Мы думаем в одном направлении. Лия будет в вашем полном распоряжении.

О да-а.

Директор нажал кнопку селектора:

– Марта, попросите Нокс зайти. Срочно.

Макс откинулся на спинку кресла. Внутри разворачивалось знакомое тёмное предвкушение – не азарт, а его холодная, взрослая версия. Как предстартовая тишина: огни ещё горят, но тело уже знает, что произойдёт дальше, и готовится не мускулами – чем-то глубже. Сейчас она войдёт. Увидит его здесь. И поймёт, что случайности закончились.

Дверь открылась ровно через минуту. Без предупредительного стука – Лия не признавала пустых офисных церемоний.

Она вошла с той естественной грацией, которую Макс запомнил ещё на светофоре. Узкие тёмные джинсы, тяжёлые ботинки – никакой попытки соответствовать статусу строгого редактора или чьим-либо ожиданиям вообще. Тридцать девять лет? Чушь. Лия существовала вне возраста – в ней не

было ни тени усталой зрелости, зато была та концентрированная, почти опасная энергетика, которая заполняет комнату раньше, чем человек успевает появиться. В книжном издательстве она казалась аномальным элементом – не чужеродным, а слишком настоящим, слишком живым для этих стен. Лия не следовала стилю. Она задавала пространство вокруг себя как грозовой фронт, просто фактом своего приближения.

– Звал? – взгляд её был направлен прямо на директора.

– Лия, познакомься! – Хэммонд вскочил, внося в комнату ненужную суету. – Твой новый проект. Господин Дрейк.

Она повернула голову. В тот миг, когда их взгляды столкнулись, по комнате словно прошёл электрический разряд. Секунда. Другая.

Лия не вздрогнула. Не отвела глаз. Лицо осталось спокойным, слишком собранным, чтобы выдать лишнее. Только в глубине зелёных глаз на миг мелькнуло что-то опасно знакомое.

– А, – выдохнула она, и на губах проступила едва заметная, дерзкая усмешка. – RAM.

Хэммонд непонимающе нахмурился, переводя взгляд с одного на другого:

– Простите?

Макс подался вперёд, упираясь локтями в колени. Он смаковал каждую секунду этой паузы – не торопил, не давливал. Лия не защищалась, она нападала в ответ, и именно это

его заводило сильнее всего: не покорность, а сопротивление.

– Мы уже имели удовольствие познакомиться, Фил, – произнёс Макс, понизив голос и буквально впиваясь в неё глазами. – При весьма... специфических обстоятельствах.

Лия скрестила руки на груди, окинув его взглядом сверху вниз – неторопливо, без спешки. Так опытный хирург оценивает безнадёжную опухоль, или въедливый корректор – бракованный, перегруженный штампами материал.

– Значит, это ты, – ровно констатировала она.

Ни восхищения перед мировой звездой автоспорта, ни те-ни девичьего смущения. Только трезвая, почти обезоруживающая ясность.

– Это я, – подтвердил Макс.

Он даже не шелохнулся. Сидел глубоко, по-хозяйски откинувшись на кожаную спинку кресла, нога на ногу – с раздражающим спокойствием человека, слишком привыкшего, что мир подстраивается под него.

Он не гость здесь. Он инвестор, который пришёл забрать свой главный приз – и знает, что никуда тот не денется.

Хэммонд нервно рассмеялся и заёрзал на стуле – выдавая себя беспокойством, будто оказался между двумя токами высокого напряжения:

– Замечательно! Просто потрясающе, что вы уже знакомы. Это сократит дистанцию и упростит коммуникацию. Лия, господин Дрейк лично настоял на твоей кандидатуре. Это его ключевое условие.

Пауза между ними затянулась, становясь душной. Лия смотрела на Макса долго, не мигая – зелёные глаза прозрачные, как бутылочное стекло, и такие же непроницаемые. Макс физически ощущал, как в её голове с тихим стуком встают на место шестерёнки. Она разгадала его партию в три хода. Теперь просчитывала четвёртый.

– Мне начинает казаться, – её голос опустился до вкрадчивого регистра, – что в твоём мире концепция случайностей отсутствует. И всё это довольно топорно спланированная акция.

Макс только чуть качнул головой, принимая удар. Годы на скорости выжгли в нём самую способность отступать – рефлекс, въевшийся глубже любого инстинкта.

– Я просто не люблю полагаться на удачу, Лия. На тебе удача – это первый шаг к аварии. Я предпочитаю полный контроль. И в жизни тоже.

В глазах Нокс на секунду мелькнуло подлинное понимание — спокойное, острое, точное. Она слишком ясно увидела, что скрывалось по ту сторону его одержимости, и привычно спрятала любую реакцию.

– Контроль – хрупкая иллюзия, Дрейк. Смотри не разбейся, – отрезала она и повернулась к директору. – Когда дедлайн по первой подаче?

– Чем раньше, тем лучше, – ответил за Хэммонда Макс. Она едва заметно кивнула. Повела плечом — коротко, почти равнодушно, сбрасывая с себя тяжесть его взгляда, как

чужую руку.

– Жду завтра в десять в третьей переговорной. Принеси черновики. Если в них столько же смысла, сколько в твоих методах знакомства, нам предстоит много работы.

Лия развернулась и вышла, не дожидаясь ответа – оставив последнее слово за собой.

Хэммонд тут же виновато развёл руками, начав суматошно лепетать про её сложный, неформатный характер и гениальность, которой нужно прощать резкость. Но слова Фила проходили мимо. Макс всё ещё смотрел ей вслед.

Внутри осело странное, слишком спокойное удовлетворение.

Она приняла вызов. Остальное уже было вопросом времени.

Глава 7

Ночь пахла перегретым бензином, остывающим асфальтом и тем особым металлическим привкусом, который долго не отпускает после скорости – въедается в ноздри, оседает на языке, живёт в крови ещё часа три после финиша.

Макс сидел за рулём лимонно-жёлтого Camaro SS. Мир за лобовым стеклом плавился, превращаясь в ломаное мажорное из мелькающих вывесок и смазанных силуэтов. Заброшенная промзона на окраине Сакраменто давно стала закрытым полигоном для людей его круга – тех, кому мало было легальных трасс и кому регламенты FIA казались чужой религией. Здесь существовала только чистая скорость, голый риск и право забрать банк.

Он приехал поздно – специально срезал время, чтобы не торчать в толпе и не разминивать присутствие на мелкий официоз. Но стоило тяжёлому Камаро вырваться на бетонную площадку, как сотни голов одновременно повернулись в его сторону. Отрезанный сектор зашевелился, как потревоженный улей.

– Это Дрейк! – выкрикнул кто-то, и гул толпы мгновенно набрал обороты.

Макс заглушил форсированный двигатель. Выждал паузу – ровно столько, чтобы ожидание успело загустеть – и вышел из салона. Медленно. Потёртая кожаная куртка, чёрная

футболка, джинсы. Пирсинг на нижней губе поймал отблеск галогенового прожектора. Он кожей чувствовал эти взгляды – плотные, липкие, жадные. словно под прицелом сразу со всех сторон.

Они всегда так смотрели.

– Макс, блядь, наконец-то! – Алекс возник рядом, держа в руках гаечный ключ и банку энергетика. – Думал, ты забил.

– Забил? – Макс усмехнулся. – На что, по-твоему?

– Хрен знает. У тебя странное настроение последние дни.

Макс не ответил. Лениво обошёл машину по периметру, проверил зацепы на прогретых шинах, глянул на сдвоенные раструбы выхлопа. Руки требовали работы. Голова – жёсткой, грубой разрядки, той единственной, которая умела выжигать лишнее дотла.

Странное настроение. Слишком мягко сказано для глухой одержимости, что плотно засела под коркой после визита в Silverline House и с тех пор не давала покоя – тихая, упрямая, как заноза, до которой не дотянуться.

Он не мог выкинуть из головы её глубокие зелёные глаза и голос – бархатный, тягучий, пробирающий до самого нутра. Она транслировала абсолютное, дразнящее превосходство. Она царапала его эго своей ледяной иронией. И этим жутко заводила.

– Эй, Дрейк! – резкий женский голос вырвал его из задумчивости.

Макс обернулся.

Очередная фанатка уличных заездов. Высокая, бесконечные ноги в рваных джинсовых шортах, топ, едва удерживающий тяжёлую грудь, агрессивный вечерний макияж. Она приплыла к нему с той предсказуемой улыбкой, которую он видел на подобных лицах тысячи раз – улыбкой, за которой не было ничего, кроме готовности.

– Слышала, ты сегодня против Карвера, – она лениво облокотилась бёдрами на крыло его тачки, нарочито прогибаясь в пояснице. – Правда?

– Может быть.

– Поставлю на тебя, – длинный ноготь с ярким маникюром медленно проскользил по лакированному капоту. Девушка заглянула ему в лицо снизу вверх, стреляя глазками. – Ты же победишь?

Макс усмехнулся. Привычный алгоритм флирта включился на автомате – рефлекс, отточенный до блеска, не требующий участия.

– Всегда побеждаю.

Она рассмеялась – слишком приторно, слишком старательно, с тем нарочитым кокетством, за которым стоит не желание, а расчёт. Этот звук резанул Макса по ушам неожиданно остро, вызвав почти тошнотворное раздражение.

– Тогда, может, отметим после гонки? Вдвоём?

Обычно он бы согласился не задумываясь. Но сегодня этот дешёвый глянец вызывал только скуку. На фоне сложной, недоступной Лии Нокс – той, что пахла ветром и кожей,

и смотрела на него как на задачу, которую уже начала решать – эта надутая кукла казалась пресным пластиком.

– Посмотрим, – бросил он уклончиво и развернулся.

Девушка осталась висеть с недоумённым, обиженным выражением лица. Макса это не занимало. Его манила совершенно другая дичь.

– Ты чего? – Алекс хмыкнул, проследив за траекторией отшитой девушки, и шумно отхлебнул из банки. – Она же готова прямо здесь раздеться. Тебе только пальцем щёлкнуть.

– Знаю.

– И? – друг непонимающе уставился на него, крутя в пальцах испачканный в смазке гаечный ключ.

– И похуй, – отрезал Макс.

В его голосе прозвучало столько равнодушия, что Алекс лишь покачал головой и благоразумно замолчал. Он слишком хорошо знал этот тон.

Карвер появился через десять минут – его угольно-чёрный Dodge Challenger буквально разорвал тишину промзоны утробным рёвом прямоточного выхлопа. За ним шлейфом тянулась шумная толпа фанатов и прихлебателей. Парень лет тридцати, с бритого черепа до воротника забитый агрессивным блэкворком. На его лице играла та самая наглая ухмылка, которая без слов транслирует одну-единственную мысль: *я здесь, чтобы уничтожить тебя.*

Он лениво вылез из прокуренного салона и размашистым

шагом направился прямо к Максy.

– Дрейк, – голос соперника звучал на грани фола. – Слышал, ты тут король ночных гонок.

Макс повернулся корпусом. Окинул его коротким взглядом – так смотрят на мелкое препятствие на трассе.

– Слышал правильно.

– Думаешь, сегодня тоже победишь?

– Не думаю. Знаю.

Карвер оскалился, шагнул вперёд, вторгаясь в личное пространство. Наглец пытался прогнуть его психологически.

– Давай поднимем ставки. Двадцать тысяч.

Окружившая их толпа синхронно ахнула, выдав волну плотного гула.

Алекс рядом тихо, уважительно присвистнул. Для нелегальных заездов сумма была «увесистой».

Макс спокойно скрестил руки на груди. Ни единой черты не изменилось на его лице, пульс остался ровным.

– Тридцать.

Пауза зазвенела от напряжения. Карвер на секунду замешкался – явно не ожидал такого встречного удара.

– Ты ебанулся?

– Может быть, – Макс ослабился. – Но если ты так уверен в себе, какая разница?

Площадка взорвалась криками. Подпольные букмекеры зашевелились, кто-то уже потрошил карманы, доставая пачки наличных.

Карвер долго буравил его глазами – искал в лице оппонента хотя бы малейший намёк на блеф. Не нашёл. Под кожей Дрейка горел совсем другой пожар, и тридцать тысяч долларов были просто способом поджечь этот чёртов вечер.

– Идёт, – наконец выдавил Карвер сквозь зубы и протянул ладонь.

Макс перехватил её и зажал в коротком, сухом рукопожатии – крепком, почти болезненном, как предупреждение, замаскированное под вежливость.

– Готовься проигрывать.

До старта оставалось ровно пять минут.

Макс скользнул в ковшеобразное сиденье, защёлкнул ремни и врубил зажигание. Самого SS мгновенно отозвался глубоким рычанием форсированного мотора – дикий, плотный звук, от которого вибрация шла по бетону и оседала мурашками на коже. Дрейк положил ладони на замшевый обод руля, зафиксировал запястья, закрыл глаза на одну короткую секунду и шумно выдохнул сквозь зубы.

Вот оно.

Его территория. Его настоящая стихия – та, в которой правила были примитивными и кристально честными. Трасса, чистая скорость, безоговорочная победа. Никаких ментальных многоходовок, никаких неразрешимых загадок и никаких высокомерных женщин с зелёными глазами, которые смотрят на тебя так, словно ты – просто очередной на-

пыщенный мудака. На трек асфальт не умеет врать.

Справа, глухо фыркая прямотоком, выкатился Challenger. Карвер буравил его взглядом через опущенное боковое стекло, и в этом прищуре читался звериный, голодный вызов.

Макс повёл уголками губ, даже не повернув головы.

Попробуй, сука.

Девчонка в вызывающе коротком платье лениво продефилировала на разделительную линию старта. Эффектно вскинула руку с зажатым салатным платком. Толпа за секунду смолкла, превращаясь в единый напряжённый организм.

– Три!

Макс до упора выжал сцепление, удерживая обороты на грани срыва. Сжал руль до побелевших костяшек.

– Два!

Всё лишнее отошло – осталось только это: рёв мотора, руль под ладонями и пространство впереди.

– Один!

Ткань платка резко опустилась вниз.

Самого сорвался с места, сокрушая тишину. Задние колёса взвизгнули, мгновенно превращая дорогу в сизый дым, и Макс почувствовал мощный, знакомый толчок, намертво вжимающий его тело в спинку сиденья. Перегруз. Скорость. Чистая, неразбавленная энергия движения.

Кайф.

Challenger рванул рядом, и первые несколько секунд капо-

ты шли вровень – но Макс боковым зрением уже читал траекторию Карвера: тот действовал на пределе нервов. Слишком судорожно давил на газ. Слишком дёргано закладывал руль.

Дилетант.

Первый поворот. Макс вошёл в него на грани управляемого заноса, физически ощущая, как задняя ось скользит по дуге – и в самый последний, критический момент жёстким микродвижением поймал зацеп. Challenger мгновенно отстал на корпус.

Второй вираж – ещё круче, ещё изломаннее. Макс пошёл по самой кромке: там, где заканчивался разбитый асфальт и начинался серый гравий обочины. Рискованно. Безумно.

Для него – единственно правильно.

Карвер попытался скопировать манёвр, но не удержал корму – машину мотнуло в юз, и он потерял несколько драгоценных метров, смазав выход из дуги.

Макс усмехнулся, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в почти злую улыбку.

Всё. Ты проиграл.

Последний прямой отрезок. Вжал педаль акселератора в пол до упора, и Самого выстрелил вперёд, оглушительно взревев. Стрелка прибора перевалила за все адекватные рубежи гражданской безопасности. Окружающий мир за боковыми стёклами окончательно схлопнулся в смазанные грязные полосы света.

Финишный створ.

Он пересек черту первым – с колоссальным, уничтожающим отрывом.

Толпа разразилась диким рёвом. Свист, крики, шквал аплодисментов – возбуждённая человеческая масса плотным кольцом заблокировала машину ещё до того, как гонщик успел заглушить зажигание. Макс толкнул дверь и был мгновенно смят – чужие руки тянулись к его куртке, десятки глоток орали его фамилию, кто-то вбивал ладонь в плечо, кто-то совал в лицо экран смартфона, требуя кадр.

Он принимал это спокойно – как воздух, которым дышал всю жизнь. Законная дань.

Карвер вылез из салона с потемневшим лицом. Молча вытащил из кармана тугую пачку стодолларовых купюр и швырнул её Максу.

– В следующий раз, – выплюнул он сквозь зубы.

Макс перехватил наличные на лету, даже не опустив взгляда.

– Не будет следующего раза.

Карвер до хруста сжал челюсти, круто развернулся и пошёл прочь, расталкивая своих прихлебателей.

Толпа снова сомкнулась – и в этот момент тонкие пальцы с острыми ногтями собственнически скользнули по спине Макса, забираясь под куртку. Та самая девица из предстартовой зоны. Она втёрлась в его личное пространство, дыша

в лицо алкогольным коктейлем, глаза лихорадочно блестели от чужого триумфа, чувственные губы были зазывно приоткрыты.

– Я так и знала, что ты победишь, – приторно прошептала она, всем телом вжимаясь в его грудь.

Макс зафиксировал её лицом к себе. Красивая. Безупречно упакованная. Стопроцентно готовая. И – пусто. Совершенно пусто, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Раньше этот механизм работал без сбоев – тяжёлый заезд, быстрый животный секс, и голова снова чистая. Но сегодня шестерёнки заклинило. Старый наркотик не вставлял.

Потому что в мыслях, вытесняя весь этот шум, стоял совсем другой образ.

Лия Нокс.

– Не сегодня, – Макс жёстко перехватил девушку за запястья, убрал её руки от своего тела и бесцеремонно отстранился.

Она осталась стоять посреди ревушей толпы, растерянно глядя ему вслед. Впервые её просто не выбрали.

Гонщик пробился к Алексу. Механик ждал у машины, прислонившись спиной к металлу, и неторопливо курил, стряхивая пепел под ноги.

– Уезжаешь? – спросил он, выдыхая сизый дым.

– Да.

– Один? – Алекс скосил глаза в сторону толпы, где всё ещё

топталась растерянная девица в ультра кричащем наряде.

– Один.

Механик хмыкнул, бросил окурок и придавил его подошвой.

– Ты точно странный последние дни, Дрейк. Сам на себя не похож.

Макс не посчитал нужным отвечать. Молча скользнул в салон, захлопнул дверь и рванул рычаг коробки передач. Самого выехал за ворота промзоны и растворился в пустом ночном хайвее, унося своего хозяина прочь от ликующей толпы, лёгких денег и очередной проходной победы. Ничто из этого больше не имело веса.

Ночной Сакраменто за пределами промзоны был совершенно другим. Пустынным. Почти тихим. Огненные росчерки витрин двоились в глянце влажного асфальта, улицы уходили вдаль тёмными бесконечными лентами – туда, где город незаметно перетекал в чёрную речную прохладу. А после и вовсе растворялся линией горизонта в зеркалах заднего вида.

Макс вёл медленно, без привычной агрессивной спешки и без цели. Дорога до Сан-Франциско казалась расслабляюще монотонной. Впервые за долгое время он позволил себе роскошь просто думать – дать мыслям идти туда, куда они шли, не обрывая на полуслове.

Триумф. Наличные в кармане куртки. Мировая слава.

Женщины, готовые упасть в его постель. Всё это было. И всё это больше не давало кайфа. Под кожей зудело что-то другое – не голод и не азарт, а то острое, почти болезненное предвкушение, которое не умеет ждать спокойно.

Завтра. Утром он увидит её снова.

И на этот раз она не сможет уйти.

Кастомный кар плавно свернул на его улицу. Сквозь пальмы проступило здание – тёмное стекло, острые линии, слишком много пространства и слишком мало жизни. Пентхаус Макса больше напоминал логово, чем дом. Он так и не понял, когда именно это перестало его беспокоить.

Загнал машину в подземный паркинг, выключил зажигание и несколько секунд сидел в абсолютной тишине.

Посмотрим, какой твой острый язычок на вкус, Лия.

Глава 8

К десяти утра Лия Нокс уже испытывала к этой встрече глухую неприязнь, можно даже сказать ненависть.

Дело было вовсе не в профессиональных сомнениях – за пять лет жизни в Сан-Франциско и работы в Silverline House укрощение чужих амбиций превратилось в рутину. Бездарные авторы, суетливые литературные агенты, капризные ви-пы – весь этот издательский конвейер давно шёл фоновым шумом. Раздражал исключительно конкретный человек.

Макс Дрейк.

Самодовольный, невыносимо наглый, с этой своей манерой смотреть на людей так, будто весь мир по умолчанию шёл в комплекте к его гоночным кубкам.

Лия свернула текстовый файл на мониторе и скользнула взглядом по нижнему углу экрана. Без пяти десять. Отлично. Ещё триста секунд до официальной необходимости натягивать маску корпоративной вежливости. Она поднялась из-за стола, машинально потянулась рукой к волосам, чтобы поправить тяжёлую тёмную прядь, но на полпути резко одёрнула пальцы, поймав собственное отражение в стекле офисной перегородки.

Господи, Нокс, серьёзно?

Это обычный рабочий контракт. Не свидание. Стандартный разбор полётов с очередным избалованным мальчиш-

кой, который свято верит, что издательство обязано преклонить колени перед его медийным статусом и чековой книжкой.

Хотя Лия на секунду замерла, глядя в окно на залитый калифорнийским солнцем бульвар. Кого она обманывает? Слово «стандартный» к Дрейку не клеилось, как бы ей того ни хотелось. И именно эта его чужеродность – неспособность уложиться в её привычные, выверенные категории – задевала сильнее всего, ломая привычную эмоциональную дистанцию.

Редактор привычно пересекала опенспейс, наполненный ровным рабочим шумом: стуком клавиш, негромкими разговорами у принтеров, шуршанием бумаги. Весь этот офисный ритм был предсказуем до зевоты. В отличие от предстоящего диалога. Третья переговорная располагалась в самом тупике коридора – ничтожное расстояние, которое сегодня казалось неоправданно длинным. Под рёбрами медленно густело плотное напряжение. Это не было девичьим волнением перед свиданием – нет. Скорее то мерзкое, свербящее чувство, когда обострённые инстинкты уже кричат о скользком участке дороги, а трезвый рассудок ещё отказывается признавать грядущую аварийную ситуацию.

Лия на миг замерла у двери, будто давая себе последнюю секунду, затем потянула её на себя.

Когда женщина переступила порог, Макс Дрейк уже во-

всю обживал пространство. Он устроился во главе стола, по-хозяйски глубоко откинувшись на спинку кожаного кресла. Одна нога небрежно закинута на колено. Вёл себя так, словно это была его личная гоночная база, а не её рабочая зона.

Лия с тихим стуком опустила керамическую чашку на стеклянную поверхность, положила рядом увесистую картонную папку и только после этого подняла глаза.

– Доброе утро, – сказала она ровно.

– Доброе, – отозвался Макс.

Несколько мгновений между ними звенела зыбкая, натянутая пауза. Они просто сканировали друг друга. Он – с ленивой уверенностью мужчины, который слишком хорошо знал эффект, который производит. Она – без малейшего намерения сдавать позиции или упрощать эту партию.

Лия первой прервала зрительный контакт. Раскрыла зажимы папки, демонстрируя полную эмоциональную автономию, и заговорила сухим деловым тоном:

– Предлагаю не тратить время. У нас рабочая встреча.

– Разумеется.

Она подняла глаза. Он смотрел не на папку.

Лия привыкла к мужскому вниманию – оно существовало в её профессиональной жизни как фоновый шум, как гул кондиционера, замечаемый только когда он замолкает. Но взгляд Макса Дрейка был другим. Он не раздевал её – хуже. Он изучал. Без стеснения, с тем спокойным правом собственности, которое бывает только у людей, никогда не по-

лучавших отказа.

– Биография – формат специфический, – продолжила она ровно. – Мне нужен хребет, а не шампанское на финише. Если ты рассчитываешь на красивые истории про подиумы – контракт можно расторгать прямо сейчас.

– Хребет, – повторил Макс.

Одно слово. Но произнёс он его так, словно пробовал на вкус с медленной, почти неприличной внимательностью.

– Значит, будешь копать.

– Глубоко.

– И если мне не понравится направление?

– Тогда найди редактора помягче. – Лия сделала пометку в блокноте, не глядя на него. – Таких много.

Она чувствовала его взгляд почти физически и намеренно не реагировала. Именно эта полная, демонстративная необращённость работала. Макс Дрейк, по всей видимости, не часто оказывался в положении того, кого не замечают.

– Ты всегда так разговариваешь с клиентами?

– Только с теми, кто переплачивает. – Она наконец посмотрела на него. – Это, как правило, означает, что человек хочет не книгу.

Что-то в его взгляде потемнело. Не раздражение. Скорее внезапный, опасный интерес. Он откинулся назад. Усмехнулся – будто только что заметил в игре новый азарт.

– И чего же он хочет, по-твоему?

– Зависит от клиента. – Лия закрыла блокнот и встала, да-

вая понять, что вводная часть окончена. – Ты мне сам расскажешь. Это и есть первое задание.

Гонщик смотрел на неё снизу вверх – впервые за всю встречу – и в этом взгляде было что-то новое. Не похоть. Не расчёт. Интерес человека, который внезапно понял: перед ним нечто сложнее, чем казалось.

Переговоры длились уже добрых пятнадцать минут, прервавшись в изнурительную словесную дуэль, где никто не хотел уступать ни дюйма. Лия методично, пункт за пунктом, разбивала его аргументы, пока на столе не остался лежать единственный подписанный документ.

Он откинулся на спинку кресла, признавая её тактическую победу, и внимательно посмотрел на неё:

– Мне нравится твой метод, Нокс.

– Мне всё равно, – сказала она просто, забирая со стола свою папку. – Мне важен результат.

Лия развернулась и уверенным шагом направилась к выходу. Уже почти коснулась дверной ручки, когда он произнёс ей в спину:

– Знаешь, в чём главная проблема людей, которым всё равно?

Этот вопрос, заданный слишком тихим тоном, заставил Лию замереть у самого порога. Она не обернулась, но её плечи заметно напряглись.

– В том, – продолжил он, наслаждаясь затянувшейся пау-

зой, – что они всегда возвращаются, чтобы проверить – действительно ли им всё равно.

– Я думаю, – она чуть склонила голову набок, – кто-то просто слишком высокого о себе мнения.

Ответ попал в цель. Макс поднялся без предупреждения – плавно, без усилия, с выверенной точностью, давно въевшейся в мышцы. Лия не успела отступить. Просто вдруг обнаружила, что он рядом – слишком близко, на той границе, где воздух между людьми перестаёт быть нейтральным. Он наклонился так низко, что его губы почти коснулись её мочки. Это не было угрозой – это было чистое, лишаящее воли искушение.

– Ты слишком много думаешь, – сказал он шепотом.

Лия не двинулась с места. Это была ошибка – нужно было отступить сразу, на полшага, небрежно. Теперь любое движение будет выглядеть как реакция. Она стояла и чувствовала тепло его тела с той несносной, почти оскорбительной конкретностью, которая не оставляет места для самообмана.

Лия медленно повернула голову.

Его лицо было близко. Слишком близко, чтобы смотреть целиком – только детали: линия скулы, тёмные глаза, которые сейчас не насмехались, а просто наблюдали.

Лия не шевелилась, разгадав его игру. Она отчётливо понимала, чего именно он ждёт: её капитуляции. Он намеренно замер так близко, вынуждая её первой дать имя этой безумной вспышке между ними. Ему хотелось услышать её прось-

бу отойти – ведь любое подобное слово повисло бы в воздухе признанием его победы. Сказать это – означало признать, что он имеет над ней власть.

И всё же она проиграла. Воздух стал слишком горячим, а его присутствие – удушающим.

– Отойди, – выдохнула она, теряя остатки хладнокровия.

– А если не хочу? – его голос прозвучал совсем тихо, у самого её уха.

Медленно, дразняще его взгляд скользнул вниз, к её губам, и вернулся обратно. Этот мимолётный жест ощущался интимнее и порочнее любого физического прикосновения.

Где-то в промежутке между одним ударом сердца и следующим Лия поняла, что не дышит. Что стоит совершенно неподвижно и ждёт. Чего именно – она не позволила себе додумать. Опасная мысль мелькнула и была уничтожена раньше, чем успела оформиться в слова.

Макс смотрел на неё ещё секунду – с тем леденящим спокойствием игрока, который уже получил всё, что хотел. А потом отступил. Легко, непринуждённо. Словно ничего не произошло.

– Все материалы уже у тебя на почте, – произнёс он, бросив короткий взгляд через плечо. – Будут вопросы – звони.

Макс обошёл её, небрежно нажав на дверную ручку и вышел в коридор размеренным шагом, оставив Лию в оглушительной тишине переговорной.

Она смотрела ему в спину, чувствуя, как в пустом про-

странстве всё ещё вибрирует его низкий голос. Запах дорогого парфюма и адреналина никуда не ушёл – он просто осел, намертво въелся в воздух комнаты.

Внутри Лии, за выжженным годами профессионализмом, пульсировала одна-единственная мысль – острая, неудобная и пугающая. В ту секунду, когда он склонился над ней, она ведь не просто не отступила.

Она ждала продолжения.

Хотела, чтобы он её поцеловал. И ненавидела собственную реакцию.

Проклятье.

И Макс, судя по его торжествующей усмешке, знал об этом лучше, чем она сама. Считал эту секундную слабость ещё до того, как женщина успела её подавить.

Текст не складывался. Лия уставилась в экран ноутбука, перечитывая одну и ту же фразу в третий раз. Раздражение медленно перерастало в глухое недоумение. Обычно она работала с чужими рукописями легко, почти интуитивно – мгновенно видела архитектонику, ритм и фальшивые ноты, как музыкант слышит кикс в первом аккорде. Но второй день концентрация рассыпалась. Мысли упорно соскальзывали с разметки абзацев, возвращаясь к одному и тому же.

К нему.

Она откинулась на спинку дивана в своей гостиной, уста-

ло потёрла пальцами виски и перевела взгляд на распечатки, разбросанные по журнальному столику.

«В шестнадцать лет дебютировал в любительских кольцевых гонках. В семнадцать стал пилотом молодёжного крыла Porsche».

Сухие, кастрированные факты. Красивая, отполированная пиарщиками биография оглушительного успеха. Но Лия слишком долго крутилась в индустрии и умела читать то, что авторы пытались спрятать между строк.

Она отыскала в сети архивное интервью семилетней давности – запись была сделана ещё до того, как имя Дрейка загремело на мировых треках. Журналист спросил о семье, и ответ молодого Макса оказался на удивление открытым:

«Мать умерла, когда мне было восемь. После этого остался только отец. Военный. Строгий, дисциплинированный. Воспитывал меня как солдата – порядок, дисциплина, никаких поблажек. Он пил. Много. Но именно он привёл меня в мир гонок. Это был его мир, его страсть, единственное, что заставляло его чувствовать себя живым. Только он так и не поверил, что я смогу в этом преуспеть. Умер до моей первой серьёзной победы».

Лия выдохнула сквозь зубы, делая быструю пометку карандашом на полях распечатки.

Ранняя потеря матери. Отец – жёсткий военный с алкогольной зависимостью. Дал сыну гонки, но не дал веры. И Макс вытачивал себя сам – грубо, неумело, как попало. Без

поддержки и одобрения. Просто потому, что иначе не мог.

Вот оно, двойное дно.

Именно это она и почувствовала при их встрече. За агрессивным напором и демонстративным эгоцентризмом Дрейка крылась глухая, раненая зона – то, что он замазывал поведением конченого ублюдка.

Разумеется, в официальном пиар-пакете подобные шрамы не значились. Там всё выглядело нарядно, вылизано и правильно. Но Лия давно работала со словом, чтобы вестись на фасад. Её профессией было видеть изнанку сюжета – угадывать скрытые мотивы по едва заметным обрывкам фраз.

Редактор захлопнула крышку ноутбука и перевела хмурый взгляд на лежащий на краю стола смартфон.

Два дня.

Дрейк не выходил на связь уже сорок восемь часов. Ни дежурных сообщений, ни звонков Хэммонду. Абсолютный вакуум.

Обычно авторы его калибра требовали промежуточные отчёты, перекраивали структуру на ходу, истерили из-за каждой запятой. А этот просто растворился, обозначив границы своего присутствия и исчезнув.

И эта тишина начинала её откровенно бесить.

Не потому, что Лия беспокоилась за судьбу миллионного контракта. А потому, что мозг упорно, с пугающей регулярностью продолжал возвращаться к его лицу. Это становилось навязчивой идеей. Парень зацепил её.

Не как сложный рабочий кейс.

Как мужчина, которого она совершенно не планировала впускать в свою жизнь.

Нет. Стоп.

Лия резко поднялась и раздражённо прошла по залу, пытаясь физическим движением сбросить это наваждение.

Макс Дрейк – самовлюблённый манипулятор с патологической привычкой бесцеремонно ломать чужие личные границы. Пройденный этап, понятный психотип. И она точно не собиралась вестись на подобный крючок.

Даже если этот психотип обладал чертовски магнетической внешностью и...

Лия резко сжала челюсти, обрывая опасную мысль на взлёте.

– Господи, да что за чёрт

Но ты уже ведёшься, Нокс.

Внутренний голос прозвучал в голове почти насмешливо. Её собственное сознание издевалось над ней. Лия до боли сжала кулаки.

– Заткнись, – пробормотала она вслух, обращаясь к пустой комнате, и быстрым шагом направилась на кухню.

Ей нужен был воздух. И лёд.

Открыла холодильник, достала запотевший графин и плеснула в стакан фильтрованную воду. Это просто профессиональный интерес. Чисто рабочая необходимость. Она обязана досконально изучить клиента, распотрошить его мо-

тивы, чтобы выдать качественную автобиографию на выходе. Ничего личного. Никакого скрытого подтекста.

Конечно, Лия. Профессиональный интерес. А не тот факт, что один самодовольный придурок каким-то образом залез тебе под кожу.

Она выпила воду залпом, едва не поперхнувшись от резкого холода. Стукнула стаканом о раковину и зажмурилась, упираясь ладонями в каменную столешницу.

Ей нужно было срочно выбраться из этой душной квартиры. Перезагрузить систему. Перестать думать о парне, который точно не для неё.

Она бросила короткий взгляд на настенные часы. Половина пятого.

Если выкатит байк прямо сейчас – успеет до шести.

Глава 9

Макс закладывал вираж на грани фола, физически ощущая, как задняя ось его Porsche срывается в глубокое боковое скольжение по раскалённому асфальту. Привычный удар по рецепторам – резкий, сладкий, до тупой боли под рёбрами. Он поймал траекторию в самую последнюю, критическую секунду, жёстко выпрямил руль и утопил педаль акселератора в пол. Двигатель за спиной выдал оглушительный рёв, выстреливая купе вперёд.

Легендарный трек Лагуна-Сека в этот предвечерний час стоял почти пустым. На пит-лейне дежурили только его личная команда, пара телеметристов и мотористы. Закрытые тесты перед очередным этапом серии. Стандартная рабочая сессия.

Но сегодня привычные алгоритмы не работали.

Макс не мог поймать фокус. Идеальные гоночные дуги ломались, точки торможения перед апексами получались запоздалыми, а выходы из поворотов – судорожными, слишком агрессивными. Собственные рефлексы подводили его, потому что концентрация упорно смещалась в сторону одной-единственной координаты.

Лии Нокс.

Дрейк грязно выругался в микрофон шлема и снова пришпорил табун под капотом, отчаянно пытаясь перегрузить

мозг центробежной силой.

Бесполезно. Скорость больше не лечила.

Когда спорткар со свистом колодок замер в боксах, Алекс уже стоял наготове – с планшетом телеметрии в одной руке, зажжённой сигаретой в зубах и откровенно кислым выражением лица.

– Время говно, – бросил механик без приветствия, едва Макс заглушил мотор. – На полсекунды медленнее, чем вчера. Что за хуйня?

Макс толкнул лёгкую дверь купе, выбрался из кокпита на бетонный пол, стянул шлем и с силой провёл ладонью по мокрым от пота волосам. Тесный подшлемник оставил красные следы на коже.

– Знаю.

– Тогда в чём проблема?

– Ни в чём.

Алекс скептически сощурился через облако дыма, сделал глубокую затяжку и шумно выдохнул её в потолок бокса.

– Макс, я знаю тебя десять лет. Когда ты едешь так, как сегодня, значит, у тебя что-то в башке. Так что давай, колись. Что стряслось?

Макс выудил из холодильника пластиковую бутылку, сорвал пробку, сделал несколько жадных глотков ледяной воды и устало привалился поясницей к капоту машины, который под ним ощутимо дышал жаром.

– Ничего не стряслось.

– Хуйня полная. – Алекс зло припечатал окурок к металлической урне. – Ты вчера тоже ездил как мудака. И позавчера. Так что либо ты мне говоришь, что случилось, либо я сам догадываюсь. А мои догадки тебе не понравятся.

Гонщик криво дёрнул уголок рта, но эта гримаса не имела ничего общего с весельем. Зелёные глаза Лии снова занозой полоснули по мыслям.

– Догадывайся.

Алекс прищурился, сканируя его потемневшее лицо, а потом медленно, понимающе кивнул.

– Та баба. Из издательства, что гоняет на Харлее.

Макс промолчал. Только отвернулся в сторону трассы, где над раскалённым асфальтом дрожало прозрачное марево.

– Ага, точно она, – механик хмыкнул, упирая руки в бока. – Дрейк, ты залип на неё, как сопливый пацан в пубертате.

– Не залип.

– Да хорош мне пиздеть. Ты две недели назад сорвался в кастомный мотосалон, потом выкупил этот ёбанный контракт, чтобы заставить её работать над твоей биографией, а теперь сливаешь круги один за другим. Это по-твоему не «залип»?

Макс повернулся к нему всем корпусом. В глазах залегла тяжесть.

– Я не сопливый пацан, Алекс. И близко нет.

– Тогда кто ты сейчас?

Между ними повисла плотная, звенящая пауза. Макс долго смотрел на друга, пытаясь нащупать в голове правильное

определение для того ада, который Лия устроила у него под коркой. Но приличных слов для этой одержимости не существовало.

– Она... другая, – наконец глухо выдавил он.

– Другая – это как? Эксклюзивная комплектация?

– Она не реагирует на меня, – Макс честно озвучил то, что сильнее всего ломало его эго. – Вообще. Я для неё – шаблонный мудака с раздутым самомнением. Пустое место.

Алекс уважительно присвистнул и покачал головой.

– Вот оно что. Первая женщина за тучу лет, которая не раздвинула ноги на первой же секунде. Неудивительно, что тебя переклинило.

– Заткнись, – Макс коротко фыркнул, но в этом звуке не было злости. Только глухое признание чужой правоты.

Алекс выбил из пачки новую сигарету, щёлкнул дешёвой зажигалкой и привалился локтем к капоту рядом с Максом.

– Слушай, а ты уверен, что контролируешь ситуацию? – негромко спросил механик, выпуская струю дыма. – Потому что со стороны кажется, что ты на полной скорости летишь в бетонный отбойник.

Макс перевёл взгляд на серое полотно пустеющего трека и покачал головой.

– Нет. Не уверен.

– Тогда, может, пора ударить по тормозам?

– А ты бы смог? – Макс посмотрел на друга в упор. – Если бы встретил на ту, которая намертво прописалась у тебя в

подкорке? О которой ты не способен перестать думать, даже когда заходишь в шпильку на двухстах?

Алекс на секунду завис, глубоко затянулся и посмотрел на тлеющий огонёк.

– Наверное, нет.

– Вот и я не могу.

Макс, не прощаясь, размашистым шагом направился в сторону раздевалки боксов. Внутри, прямо под рёбрами, снова разгоралось упрямое, тёмное желание – почти одержимость.

Второй день он сознательно держал глухую паузу. Не отправлял дежурных писем, не звонил. Проверял собственные нервы на излом. Пытался нащупать дно и понять, сможет ли выкинуть Нокс из головы, переключиться на привычную рутину и вернуться к безотказным фанаткам.

Эксперимент с треском провалился.

Всё вышло с точностью до наоборот – с каждой прошедшей секундой голод становился только агрессивнее, острее, превращаясь в навязчивый бред. И эта ментальная ломка начинала его по-настоящему пугать.

Потому что Макс Дрейк с самого детства привык полагаться только на себя и не зависеть ни от кого.

А прямо сейчас он физически ощущал, что его равновесие напрямую зависит от одной женщины.

Дом престарелых Greenwood House располагался на глу-

хой окраине города. Тихий, сонный квартал с идеально подстриженными газонами, вековыми дубами и тем специфическим умиротворением, которое свойственно местам, где время окончательно замедляет свой ход.

Лия наведывалась сюда раз в две недели. Без фальшивого чувства долга или показной благотворительной жалости – просто в этих стенах её защитные слои становились ненужными. Здесь старики оставались искренними, а сама она могла наконец сбросить маски. Здесь можно было не стараться соответствовать чужим ожиданиям.

Она заглушила байк у парадного входа, скинула шлем, встряхнув тёмными волосами, и толкнула стеклянную дверь. Напряжение недели начало понемногу выветриваться из лёгких.

– Лия! – навстречу ей вышла Марта. Пожилая сиделка в безупречном медицинском костюме приветливо кивнула. На её лице читалась привычная рабочая утомлённость. – Как хорошо, что ты приехала. Элеонора весь день только и делала, что спрашивала, будешь ли ты сегодня.

Лия тепло улыбнулась. Это была её настоящая, редкая улыбка.

– Конечно буду. Как она?

– В порядке. Сидит в гостиной, ждёт тебя. И кроссворд приготовила, говорит, что в этот раз ты точно не разгадаешь.

Лия рассмеялась – коротко, искренне, и в этом звуке уместилась вся накопившаяся за неделю усталость.

– Посмотрим.

Она прошла по знакомому коридору к просторному холлу, уверенно толкнула массивную деревянную дверь, шагнула внутрь.

И замерла.

Посреди гостиной, спиной к ней, находился мужчина. Высокий. Широкоплечий. В чёрной облегающей майке, которая безжалостно подчёркивала рельефную линию мускулистого торса и тяжёлых рук. Он удерживал массивную дрель, вкручивая крепёж для полки в стену. Каждое его движение казалось выверенным, точным, почти гипнотическим. Плотные мышцы перекачивались под тонким хлопком ткани, спина изгибалась, плечевой пояс напрягался от физического усилия. Лия поймала себя на том, что не может отвести взгляд, намертво заливнувшись на этой геометрии тела.

Это было обезоруживающе притягательно.

Просто сильный мужчина, занятый физическим трудом. Нетипично для этого тихого, сонного места.

И именно поэтому – невыносимо сексуально.

Мгновение. Ещё одно.

И только когда гул инструмента затих, до неё наконец дошло. Картинка в голове состыковалась, выбив из-под ног привычную почву.

– Да ну нахрен... – едва слышно выдохнула Лия.

Макс Дрейк. Собственной персоной. В доме престарелых. С дрелью в руках.

Он словно затылком почувствовал этот плотный взгляд. Обернулся через плечо, и на его лице на долю секунды мелькнуло подлинное удивление – слишком неотфильтрованное для человека с его уровнем железобетонного самообладания.

– Нокс?

Лия продолжала стоять в дверном проёме, всё ещё отказываясь верить собственным глазам. Аналитический ум лихорадочно пытался состыковать два полярных образа одного Макса Дрейка.

И эти два пазла упорно не желали вставать в пазы.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула она наконец, растеряв весь свой фирменный сарказм.

Макс опустил тяжёлую дрель на стол, небрежно вытер испачканные ладони о джинсы и повернулся к ней. На его губах проступила та самая тягучая усмешка, которую она уже успела выучить наизусть.

– Мог бы спросить тебя о том же.

– Я приезжаю сюда время от времени. Уже три года, – она скрестила руки на груди, удерживая его в фокусе. – А ты?

Макс зафиксировал на ней долгий взгляд. В тёмных зрачках промелькнуло то, чего Лия не видела раньше. Что-то оголённое. Живое.

– Иногда бываю, – отрезал он коротко.

– Зачем?

Воздух между ними снова замер. Макс отвёл глаза. Перехватил пальцами какой-то шуруп, словно искал тактильную точку опоры, чтобы уйти от этой непривычной уязвимости.

– Моя бабушка здесь жила.

Четыре коротких слова. Без фальшивого пафоса. Без драмы. И именно они ударили Лию сильнее, чем любое откровение.

Она молчала, чувствуя, как фрагменты его биографии встают на свои места. Бабушка Наверное, единственный человек, который просто его любил. Без условий. Без требований.

– Она умерла? – спросила Лия, и голос неосознанно дрогнул.

– Два года назад.

– Мне жаль.

Макс качнул уголком губ – коротко, без веселья.

– Не надо. Она прожила долгую жизнь. И была счастлива.

Он повернулся к ней снова, и в его глазах мелькнуло что-то острое, почти вызывающее. Похоже, ему было непривычно оставаться открытым дольше минуты, и он рефлекторно возвращал себе контроль над разговором.

– А ты? Зачем приезжаешь?

Лия пожала плечами. Ладони всё ещё лежали на ремне снятого шлема.

– Мне здесь спокойно. Люди тут не притворяются. Не играют в игры. Просто живут.

Макс усмехнулся чуть шире. На этот раз в мимике выступили знакомые дерзкие черты.

– Намёк понял.

– Не намёк. – Лия чуть улыбнулась. – Просто факт.

Они смотрели друг на друга несколько секунд – слишком долго, чтобы это было случайным, и слишком коротко, чтобы кто-то успел отвести взгляд первым. Напряжение, которое в офисе казалось агрессивным и удушающим, здесь, в залитом тёплым светом холле Greenwood House, стало другим – тягучим, почти интимным. Куда более опасным для них обоих.

– Лия! – раздался радостный, дребезжащий голос, мгновенно разрывая натянутую тишину.

В холл неторопливо вошла Элеонора. Седые волосы аккуратно собраны в пучок, а в глубоких морщинках вокруг глаз светилось столько подлинного, детского задора, что комната будто стала светлее.

– Ты приехала! Я так ждала тебя!

Лия мгновенно переключилась.

– Элеонора, привет. Конечно приехала. Обещала же.

Старушка крепко, с неожиданной силой обняла её, пахнув сухой лавандой и мятными каплями. А затем перевела цепкий, умудрённый годами взгляд на Макса, и в её глазах мгновенно зажёгся огонёк чисто женского любопытства.

– О, Макс твой молодой человек?

Лия едва не поперхнулась воздухом.

– Нет. Это – она заметно замялась, впервые потеряв профессиональную хватку и не зная, как описать то, кем они вообще друг другу приходятся. – Мы просто знакомы.

Макс выразительно скользнул по ней взглядом, явно смакуя каждую секунду её замешательства.

– Очень хорошо знакомы, Элеонора, – добавил он с той самой бархатной, невыносимо дерзкой интонацией, которая заставляла мурашки бежать по коже.

Старушка рассмеялась – звонко, по-девичьи, ничуть не смутившись его наглого напора.

– Ой, какой красивый! Лия, ты молодец! Хороший выбор.

– Элеонора – Лия предприняла отчаянную попытку остановить этот поток искреннего абсурда, но пожилая леди уже увлеклась, полностью игнорируя её протесты.

– Знаешь, в моё время таких называли «разбойниками». – Она задорно подмигнула Максу. – Опасные, но ужасно привлекательные. От таких девчонки всегда теряли голову.

Макс рассмеялся – открыто, без тени привычного сарказма. Так естественно, что Лия против воли ощутила, как что-то внутри сдвинулось – едва заметно, как льдина в начале оттепели. Непривычное тепло разлилось в груди, и она ненавидела себя за это.

– Мне нравится ваше определение, – сказал он, бросив на Лию мимолётный взгляд.

– Элеонора, не поощряй его. У него и без того самомнение

не помещается в эту комнату.

– Почему? Он мне нравится. А у старых женщин есть право говорить вслух то, что молодые стесняются признать.

Следующий час пролетел в странной, почти сюрреалистичной тишине.

Лия устроилась с Элеонорой и ещё парой постояльцев у окна, лениво перебирая бесконечные определения в кроссвордной сетке и слушая их неторопливые воспоминания. Макс тем временем закончил возиться с крепежом на стене. Вместо того чтобы демонстративно уйти, он переключился на сломанный стул, помогая одному из местных старожилов затянуть разохшиеся пазы.

Лия изо всех сил заставляла себя держать фокус на журнале.

Не получалось.

Дрейк существовал в этих декорациях абсолютно органично. Он общался с пожилыми людьми легко, без тени звёздного снобизма или снисходительного высокомерия. Спокойно шутил, внимательно выслушивал их сбивчивые рассказы и работал руками. Полный диссонанс с той репутацией, которую он транслировал повседневно.

И эта его простота выбивала Лию из колеи сильнее, чем любая офисная провокация. Потому что все её аккуратно выстроенные ментальные шаблоны о нём рушились с сухим треском.

Наглый эгоцентрик? Да, без сомнения. Опасный манипулятор? Определённо. Но в этой же системе координат существовал мужчина, который молча приезжал в Greenwood House ради памяти о единственном близком человеке и без лишней помпы чинил мебель чужим старикам.

Изнанка сюжета. То самое скрытое содержание, которое она угадала в его архивных интервью – теперь оно ожило и развернулось прямо перед ней.

– Ты на него смотришь, – тихо заметила Элеонора, заговорщически наклонившись к её плечу.

Лия вздрогнула, резко вырываясь из оцепенения.

– Что? Нет.

– Смотришь. Уже минут десять не отрываешь глаз.

Лия поспешно отвернулась к журнальной странице, чувствуя, как щёки обжигает предательский горячий прилив крови. Настоящий подростковый сбой.

– Просто удивлена, что он здесь.

– Он хороший мальчик, – Элеонора улыбнулась мягко, убирая сухую ладонь с её колена. – Приезжает раз в месяц. Всегда что-то чинит, помогает. Никогда не отказывает. И знаешь, что самое интересное?

– Что? – Лия спросила это почти шёпотом, против воли сдавая последнюю линию обороны.

– Он никогда не говорит об этом. Просто делает. Тихо. Без хвастовства. Для парня с его положением это редкость.

Лия посмотрела на Макса снова – физически не могла

противиться этому притяжению.

Он стоял рядом с пожилым мужчиной, опираясь ладонью на стену и терпеливо показывая ему что-то на сломанной ножке стула. В следующую секунду оба негромко, слаженно рассмеялись.

Что-то внутри неё сжалось – глубоко, почти болезненно.

Чёрт.

Она не должна была так на него реагировать. Не должна была чувствовать это глупое, мешающее дышать тепло в груди. Не должна была поддаваться опасной мысли, что под глянцевою обложкой скрывается совсем другой сюжет.

Но внутренний монолог упрямо закольцовывался на одном-единственном вопросе.

Кто ты на самом деле, Макс Дрейк?

Когда Лия направилась к выходу, Макс уже стоял у дверей. Привалился плечом к стене с тем самым ленивым, обманчиво расслабленным видом, который женщина уже научилась безошибочно распознавать.

– Ждёшь меня? – спросила она, останавливаясь в паре шагов.

– А ты хотела, чтобы я ушёл, не попрощавшись?

– Обычно ты именно так и делаешь. Исчезаешь на два дня без связи.

Макс дёрнул уголком губ. Взгляд тёмных глаз скользнул по её лицу.

– Соскучилась?

– Удивилась, – Лия уверенным жестом поправила ремень сумки на плече, возвращая себе привычную собранность. – Клиенты обычно интересуются, уточняют детали. А ты просто пропал.

– Думал, дам тебе передышку.

– От чего?

– От меня.

Между ними снова повисла короткая, густая пауза. Лия смотрела на него внимательно, отчаянно пытаюсь считать микромимику и понять, где проходит грань между его привычным стебом и серьёзностью. Понять становилось всё сложнее.

– Это было заботливо с твоей стороны.

– Не привыкла к вниманию?

– Не привыкла к твоему вниманию.

Макс качнул головой, но в этот раз на его губах не осталось и следа от привычной провокации. Он молча сделал шаг вперёд, полностью перекрывая ей выход и сокращая дистанцию до опасного минимума. Лия не отступила, но рука на ремне сумки заметно напряглась.

Он наклонился к самому её уху, обжигая шею горячим дыханием. Лия зафиксировала воздух в лёгких. Всё сошлось в одну точку – его дыхание, её неподвижность, эта секунда.

Губы непроизвольно приоткрылись, готовые встретить неизбежное, но Макс лишь скользнул по ним тяжёлым, тём-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

– Увидимся завтра, Нокс, – выдохнул он почти касаясь её .

Парень резко отступил назад, мгновенно уходя в сумерки парковки. Лия осталась стоять в полумраке, отчаянно пыта-
ясь заставить лёгкие снова дышать.

Два – ноль. И снова в его пользу.

Глава 10

Просто подойди и пригласи.

Люк стоял у своего стола, украдкой бросая взгляды на Лию.

Это элементарно. Ты можешь пригласить коллегу на кофе.

Она сидела в самом углу опенспейса, у огромного окна – подперев щеку рукой, с красной ручкой, зависшей над страницей. Губы поджаты в тонкую линию. Взгляд тяжёлый, фиксированный.

Плохая рукопись. Сейчас не лучший момент.

Люк нервно поправил очки на переносице.

Хотя Когда у неё вообще бывает лучший момент?

Он подхватил со стола массивную папку – чтобы это выглядело как весомый рабочий повод, а не как то, чем являлось на самом деле, – и направился через гудящий зал к её столу.

– Лия, – начал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Она не подняла глаз от исчерканных абзацев.

– Автор использовал слово «трепетный» семнадцать раз на двадцати страницах, – сообщила она совершенно отрёпённо.

– Это много.

– Это клинический диагноз.

Хорошо. Она в ударе. Самое время.

– Слушай – он переложил папку из руки в руку. – Тут через дорогу, Parkside Café. Новый сорт привезли. Эфиопский.

Черничные ноты, скажи про черничные ноты.

– С черничными нотками.

Лия оторвала взгляд от листов. Посмотрела на него своими пронзительными зелёными глазами. Люк выдержал этот зрительный контакт, отчаянно надеясь, что со стороны выглядит спокойнее, чем чувствует себя на самом деле.

– И ты уже читал отзывы на кофейню? – спросила она без всякого выражения.

– Нет, – соврал он, не моргнув, но уголки его губ дёрнулись. Она уже слишком хорошо его знала.

– Ладно. – Лия устало потёрла глаза, покрасневшие от чтения. – Всё равно эта рукопись меня скоро убьёт. Пошли.

Люк пошёл к вешалке за курткой, пока она не передумала.

Parkside Café оказалось неожиданно живым пространством, залитым солнцем. Огромные панорамные окна выходили на зелёный сквер, и мягкий дневной свет скользил по медовым фактурам деревянных столиков, по тёплым оттенкам стен. Никакого нарочитого уюта, никакого модного глянца – только размеренный городской ритм, приглушённый гул разговоров и редкий чистый звон фарфора за барной стойкой. Место, в котором никто никуда не спешил.

Они устроились у самого окна. Лия откинулась на спинку

стула и выдохнула, плавным движением плеч разминая затёкшую шею. В голове ещё стояли обрывки корявых фраз, бесконечные правки, и вечное авторское «это гениально, вы просто не поняли».

– Я закажу нам кофе, – поспешно сказал Люк, будто боялся, что она прямо сейчас встанет и передумает.

– Черничные ноты? – Она чуть приподняла уголок губ. – Ты правда в этом разбираешься?

– Нет. – Люк поймал её взгляд. – Просто прочитал на сайте. Хотел, чтобы звучало убедительно.

Лия рассмеялась – коротко, искренне, без привычной дистанции. И он почувствовал то самое странное, почти детское счастье, которое она почему-то всегда в нём вызывала.

– По крайней мере честно, – заметила она, принимая из его рук ароматный напиток.

– Я всегда честный. Это мой главный недостаток.

– Почему же недостаток?

– В издательском мире это неудобное качество.

Лия провела кончиком пальца по краю чашки.

– В любом мире неудобное, – тихо сказала она. – Но это не повод от него избавляться.

Люк смотрел на неё, и всё вокруг начало уходить на второй план. Приглушённый шум кофейни, голоса за соседними столиками, суeta за окном – всё это превратилось в невнятный фон. В фокусе осталось только то, как рассеянный полуденный свет ложится золотистыми бликами на тём-

ные волосы напротив. И вместе с этим – острое, почти болезненное желание остановить этот момент.

Он привычным жестом провёл пальцами по своим светлым, вечно непослушным волосам.

– Лия, можно спросить кое-что личное?

– Смотря что.

– Тебе нравится то, что ты делаешь? По-настоящему?

Она чуть удивилась – он уловил это по едва заметному изменению в выражении лица. Что-то в её собранности дрогнуло.

– Что за странный вопрос?

– Просто – Люк замялся. – Ты единственный человек в издательстве, кто относится к текстам не как к механической работе. Для всех остальных это просто бесконечные рукописи и скучные правки. А для тебя – как будто что-то живое. И я почти уверен, что ты сама пишешь.

Лия на секунду замерла, а потом посмотрела на него сквозь пар от чашки – так, будто впервые заметила то, что раньше ускользало. Под мальчишеским обаянием Люка скрывалось неожиданно острое чутьё.

– Откуда такие выводы?

– Когда ты думаешь, что никто не видит, у тебя полностью меняется лицо. – Его голос стал мягче. – Ты как будто уходишь. Слышишь слова, которых ещё нет на бумаге.

Они помолчали. Лия покрутила в пальцах чашку. Скрывать очевидное перед человеком, который так чисто её про-

читал, было бессмысленно.

– Пишу, – наконец сказала она, и голос опустился до полужёпота. – Роман. Уже два года. Но финал намертво встал.

– Почему?

– Не знаю, чем вся эта история должна закончиться. Не могу нащупать правильную точку.

– А как бы тебе самой хотелось?

Лия перевела взгляд на окно, за которым шумел калифорнийский полдень. В глубине её зелёных глаз на секунду промелькнуло что-то неуловимое – усталое одиночество человека, который слишком давно разучился верить в хэппи-энды.

– В том и проблема, что я понятия не имею. Наверное, поэтому и не пишется.

Люк смотрел на неё – на эту редкую, почти невозможную открытость, которую она позволила себе в углу шумного кафе. Вся её жёсткость сейчас будто растаяла. Внутри у него всё сжалось от острой, щемящей нежности.

Он потянулся через стол – почти неосознанно – и осторожным движением убрал непослушную прядь волос с её щеки.

– Лия, ты самый...

– Нокс.

Одного слова хватило.

Голос был низким. Спокойным. Почти ленивым. Но этот тон мгновенно переписал всё вокруг.

Лия почувствовала его на долю секунды раньше, чем

обернулась. Не интуицией – скорее странным сдвигом, как меняется давление перед грозой. Гул кофейни будто отдалился, разговор за соседним столиком оборвался на полуслове.

Он стоял у неё за спиной.

– Макс Дрейк, – выдохнул кто-то рядом.

Потёртая чёрная куртка. Руки глубоко в карманах. Та самая усмешка, которая никогда не означала ничего лёгкого. Он не сиделся – просто стоял, слегка возвышаясь над ними обоими. В залитом солнцем пространстве его фигура казалась слишком крупной, слишком намеренной. Тихий шёпот покотился по залу. Несколько человек потянулись к телефонам.

Люк опустил руку. И побледнел.

Макс не повернул головы в его сторону. Смотрел только на Лию – спокойно, внимательно, так, будто всё остальное в зале временно перестало существовать.

– Ты здесь по делу? – спросила она ровно.

– Увидел тебя в окно.

– Значит, случайно.

– Разве бывает случайно?

Лия не ответила. Её собственные вчерашние мысли вернулись к ней его же голосом.

Макс перевёл взгляд на Люка – изучающе, с тем безмятежным интересом, который пугает сильнее открытой агрессии. Оценивал – коротко, без враждебности, как оценивают

препятствие, которое ещё не решили объезжать или сносить.

Люк выпрямился и с неожиданной твёрдостью протянул руку через стол.

– Люк. Младший редактор. Я смотрел все ваши гонки этого сезона. Вы невероятны на трассе.

Макс пожал – коротко, сухим жёстким движением.

– Хорошо.

И вернул глаза к Лие. Только к ней.

Она поправила волосы – жест слишком быстрый, почти раздражённый. Макс не спрашивал разрешения. Он просто бесцеремонно притянул свободный стул от соседнего столика, развернул его спинкой вперёд и сел – вклинившись между ними, опершись сложенными руками на деревянную перекладину.

– Не помешаю? – спросил он уже после того, как сел.

– Уже помешал.

– Значит, терять нечего.

Он потянулся к её чашке, спокойно сделал глоток и поставил обратно.

В зале стало слишком тихо. Несколько человек за соседними столиками откровенно наблюдали. Бариста у стойки так и не опустил питчер, окончательно забыв про остывающее молоко.

Люк смотрел на чашку. На чашку Лии, из которой только что так бесцеремонно пил Макс Дрейк. На его лице медленно проявилось то выражение, с которым понимают: кар-

ты уже розданы, и нужных мастей у тебя нет.

– Это была моя чашка, – сказала Лия, хмуря брови.

– Знаю.

– Ты понимаешь, что такое личные границы?

– Понимаю. Просто не всегда соглашаюсь с ними считать-ся.

– Что тебе нужно, Макс?

– Поговорить о материалах. По работе.

– Ладно, – сказала Лия.

Макс приподнял бровь – едва заметно, но она поймала этот сбой. Он не ожидал быстрой уступки.

– Ладно?

– Ты хочешь работать прямо сейчас? – она достала из сумки ноутбук и открыла его на столе между ними. – Отлично. Давай работать прямо сейчас.

Макс смотрел на неё несколько секунд. С тем коротким, почти незаметным замешательством человека, которого только что обыграли его же приёмом.

Люк не двинулся с места. Он аккуратно придвинул к себе свою чашку, освобождая место для ноутбука, и остался сидеть – спокойно, почти демонстративно спокойно.

Я тоже здесь.

– Итак. – Лия открыла текстовый документ, подчёркнуто не глядя ни на одного из них. – Я просмотрела все материалы, которые прислал Энцо. Там есть чёткая хронология, есть сухие факты, есть официальная, вылизанная пиарщика-

ми версия твоей истории. Но мне нужно совершенно другое.

– Что именно?

– Живое. – Она посмотрела на Макса. – То, что не попало ни в одно официальное интервью. Момент, когда ты впервые осознал, что гонки – это не просто работа. А что-то большее.

Макс помолчал секунду, разглядывая её лицо.

– Пятнадцать лет. Первая стоящая гонка. Старый трек за городом, асфальт в трещинах, машина едва держалась на ходу. Я вошёл в четвёртый поворот на той скорости, которую вообще не должен был брать на подобном хламе.

– И?

– И не слетел. – Короткая пауза. – Вот тогда и понял.

– Что именно?

– Что страх и скорость – это одно и то же. Если не бояться первого, получаешь второе.

Люк невольно поднял взгляд от остывающего кофе.

– Хорошая формулировка, – сказал он тихо, почти для себя.

Макс перевёл на него тёмные глаза.

– Ты разбираешься в гонках?

– Нет. – Люк чуть улыбнулся. – Я разбираюсь в текстах. А это хорошо звучит.

Макс несколько секунд изучал его лицо – без пренебрежения, скорее взвешивая – и едва заметно кивнул.

– Ладно.

– Дальше. – Лия не подняла взгляда от клавиатуры. – Отец

привёл тебя на трек. Но при этом не верил в тебя.

Макс отвёл взгляд к окну. Его пальцы, лежавшие на деревянной перекладине стула, на секунду плотно сжались.

– Он верил в гонки. В меня – нет. Отец знал, что это мир, где можно чувствовать себя живым по-настоящему. Единственное место. Просто думал, что у меня не хватит того, что там нужно.

– Чего именно?

Макс резко поднял взгляд, заставляя её встретиться с ним глазами.

– Жёсткости. – На его губах появилась короткая, злая усмешка. – Он ошибся.

Лия продолжала вбивать слова. Пальцы двигались по клавишам на автомате. Она чувствовала то самое редкое рабочее состояние, ради которого вообще оставалась в профессии – когда фальшь рушится и человек начинает говорить что-то настоящее, и это нужно зафиксировать мгновенно, не спугнув лишним движением.

Только прямо сейчас этот привычный азарт мешался с чем-то посторонним. Опасным. Макс сидел слишком близко и говорил слишком честно. И она слушала его слишком внимательно.

– А мать? – спросила она, не отрывая глаз от экрана.

В заведении будто выключили фоновый звук. Макс перестал крутить зажигалку. Сидел неподвижно, глядя сквозь неё.

– Она умерла, когда мне было восемь. – В его интонации впервые проступило что-то детское, глухое. – Я уже не помню её голос. Только руки. Она всегда что-то делала руками.

Лия перестала печатать.

Всего на секунду, но пальцы замерли над клавиатурой. И именно в этот момент Люк осторожно коснулся её ладони – лёгкое, почти невесомое прикосновение, секунду, не больше. Молчаливое: я здесь.

Она не отдёрнула руку.

Макс это увидел. Замолчал на полуслове. Боковым зрением женщина отчётливо поймала, как его пальцы добела сжались на деревянной перекладине – один раз, до хруста в суставах – и разжались.

– Продолжай, – ровно произнесла Лия.

– Что? – Его голос стал на полтона холоднее.

– Про мать.

Дрейк коротко качнул головой.

– Не важно. Это лишнее. Не для книги.

Лия наконец подняла взгляд. Макс смотрел на неё – спокойно, почти равнодушно – и только в самой глубине карих глаз горело то, что она уже научилась безошибочно читать.

Не равнодушие. Совсем не равнодушие.

– Хорошо, – сказала она, загоня эмоции глубже. – Первая профессиональная победа. Расскажи подробнее.

Макс откинулся от спинки стула – чуть дальше, чуть свободнее, намеренно увеличивая дистанцию. Заговорил снова

– ровно, чётко, без интонационных всплесков.

Но Лия уже чувствовала: что-то безвозвратно сдвинулось.

И она злилась. Не на Макса с его манерой врываться в чужое пространство без разрешения – и не на Люка, чья рука лежала рядом с её рукой на столе. На себя. На то, что её выдержка давала трещину прямо здесь, в залитом солнцем зале, среди деревянных столиков и аромата эфиопского кофе.

Она чувствовала обоих. Одновременно.

Тепло Люка – искреннее, безопасное, почти болезненно нежное. Напряжение Макса – тёмное, тянущее куда-то, куда ей точно не следовало идти. И то, и другое цепляло. Именно это было невыносимо.

Потому что Лия Нокс не должна была ничего чувствовать. Она должна была просто делать свою работу.

– Значит, следующая встреча в четверг, – сказала она наконец, закрывая ноутбук. – Я подготовлю структуру первых трёх глав. Ты просмотришь, скажешь, что не так.

Макс поднялся – неторопливо, не глядя на Люка – и накинул куртку на плечо. Уже у двери обернулся.

– Нокс.

Она подняла взгляд.

– Хороший кофе. – Его взгляд на долю секунды скользнул к её губам. – В следующий раз я возьму своё.

Стеклянная створка закрылась за ним.

Люк смотрел на опустевший дверной проём. Плечи чуть опустились.

– Он имел в виду...

– Нет, – отрезала Лия.

Люк опустил взгляд в остывающий напиток и сжал пальцы вокруг чашки. Дрейк не был соперником, которого можно переиграть умом или выдержкой. Это была сила другого масштаба – наглая, не признающая правил игры, которую сам Люк ещё даже не успел выучить.

Но отступить он не собирался.

Глава 11

Лия стояла рядом с мотоциклом, укладывая рабочие папки в кожаный кофр. День наконец закончился. Этот безумный, выматывающий день, в котором с самого утра всё шло наперекосяк. Ладонь привычным, почти ритуальным жестом скользнула по тёплому металлу бака. Двухцилиндровый двигатель урчал ровно и низко, заполняя своей глухой вибрацией тишину пустеющей офисной парковки. Уже потянулась за шлемом, когда за спиной раздался негромкий голос:

– Лия.

Она обернулась без удивления. Люк.

Он шёл к ней быстро. По его прерывистому дыханию, чуть напряжённым плечам и тому выражению лица, которое она уже научилась безошибочно узнавать, было видно, что каждое движение даётся парню с трудом. В нём сейчас читалась странная смесь отчаянной решимости и глубокой внутренней неуверенности – как у человека, который слишком долго собирался сделать важный шаг и наконец решился.

– Ты ещё не уехала, – сказал он, останавливаясь на самой границе её личного пространства. Ближе, чем он всегда держался в офисе.

– Как видишь.

Ключи в её руке звякнули тихо, ловя отблески вечерних фонарей. Люк стоял так близко, что даже сквозь выхлопные

газы мотоцикла она отчётливо почувствовала лёгкий свежий аромат его одеколona.

– Я хотел кое-что сказать, – произнёс Люк наконец, глядя ей прямо в глаза.

Лия чуть прищурилась, изучая его изменившуюся позу.

– Это звучит подозрительно.

Он нервно усмехнулся, привычным движением провёл ладонью по светлым волосам – жест, который всегда выдавал его волнение сильнее любых слов. Но в этот раз в его глазах читалось совершенно иное. Ни привычной мягкости, ни робкой осторожности. Что-то гораздо более напряжённое. Собранное. Мужское.

– Возможно, – тихо ответил он.

– Люк...

Она не успела договорить и выставить привычные профессиональные барьеры. Он сделал стремительный шаг вперёд – быстрее, чем она успела обработать происходящее, неожиданнее, чем срабатывала её закалённая защитная реакция.

И в следующую секунду его губы обожгли её внезапным поцелуем.

Это движение вышло резким. Почти отчаянным. Совсем не в его привычной, мягкой манере.

Окружающая реальность будто разом потеряла фокус. Перестали существовать пустеющая парковка, монотонный ритм мотора, прохладный вечерний воздух – осталась толь-

ко внезапная, ошеломляющая близость и ощущение чужого тепла, слишком плотного, чтобы его можно было мгновенно осмыслить.

Лия замерла. И почему-то не отстранилась. Защита, которую она так долго носила под кожей, вдруг показалась неподъёмной – будто на секунду стало физически легче её снять, чем удержать. Она разрешила себе отпустить – совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы это уже стало ошибкой.

Люк целовал её так, как целуют только раз в жизни, словно перестав быть собой. Без игры. Без расчёта. С той опасной искренностью, которая случается чересчур редко, чтобы ей не поверить. Его пальцы коснулись её щеки – сначала легко, почти робко, а затем увереннее. Лия не двигалась. Не отвечала на этот безрассудный порыв. Но и не делала попыток его остановить. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль, что нужно отстраниться – и тут же утонула, не успев стать действием.

Время зафиксировалось в одной хрупкой точке. Мгновение растянулось, готовое вот-вот лопнуть.

И именно в этот момент на парковку с тяжёлым, басовитым рычанием въехал тёмно-серый RAM.

Он не ехал к ней. Просто дела занесли в этот район. Просто взгляд случайно зацепился за знакомую улицу. Просто у парковки оказался красный харлей – и почему-то этого хватило, чтобы сбросить скорость

Всё это полная хрень.

Ложь для самого себя. Он приехал именно для того, чтобы увидеть её. Но признавать правду было сложнее.

И сейчас он увидел совсем не то, на что рассчитывал.

Люк? Твою мать! Нет!

Этот щенок в нелепой клетчатой рубашке?!

Макс не знал, что именно почувствовал в самую первую секунду. Злость? Не совсем. Ревность? Слишком простое, мелкое слово для того, что мгновенно полыхнуло в груди – резко, до удушья, будто кто-то вышиб воздух одним ударом. Это чувство поднималось из той части его существа, которую он обычно держал на очень коротком поводке. А сейчас...

Она позволила.

Лия Нокс, которая вообще не реагировала на него, на Макса, блядь, Дрейка. Которая смотрела с невыносимой иронией, не давая ему приблизиться ни на сантиметр, которая уходила первой. Сейчас – позволила. Этому парню.

Серьёзно? Ему?

Макс сжал руль пикапа так, что костяшки пальцев побелели – и держал эту хватку, не ослабляя, будто через руки уходило что-то, что иначе вырвалось бы наружу совсем другим способом. Взгляда от лобового стекла не отвёл. Не мог. Что-то требовало досмотреть эту сцену до конца, зафиксировать каждую деталь, впечатать в память так глубоко, чтобы потом использовать как топливо.

Это происходит. Прямо сейчас. И ты сидишь здесь, как лох, и просто смотришь.

Он замер в салоне, неотрывно глядя на две фигуры под тусклым фонарём парковки, и физически ощущал, как внутри него что-то перестраивается. Не ломается. Именно – меняется. Становится жёстче. Острее. Каменеет с каждой секундой этого взгляда – так же, как каменеют его пальцы на руле.

Он всматривался в её лицо – в то, что успевал разобрать в полутьме калифорнийского вечера. На то, как она судорожно сжимает в руке ремешок шлема. На то, как не делает попыток отступить назад.

С ним ей нужна опора. С этим хлопиком в очках?

Что-то тёмное в груди Дрейка сжалось ещё сильнее, пре-
вращаясь в злую, монолитную уверенность.

Нет. Просто нет.

Мгновение спустя Лия отстранилась первой. Но это мгновение Макс у показалось вечностью. Долгой, до ломоты в рёбрах болезненной вечностью, в которой он сидел в темноте и смотрел, как другой целует губы женщины, которую он уже считал своей.

Усмехнулся сам себе – криво, без малейшего веселья. В нём закипала злая, расчётливая ярость, которая всегда была опаснее любого горячего эмоционального выброса.

Игра изменилась. Никакого больше «посмотрим, что будет», никакого терпеливого выжидания и «я дам тебе фору».

Он слишком хорошо знал это чувство – то самое, что возникало на треке, когда кто-то пытался обойти его на финальном круге. Железная уверенность в том, что он не отдаст сопернику ни единого, блядь, сантиметра.

Это уже не был просто интерес или спортивный азарт.

Это была его территория.

Кто-то другой только что прикоснулся к тому, что Макс Дрейк уже считал своим. И теперь всё действительно становилось иначе.

Макс завёл двигатель, и тяжёлый мотор пикапа отозвался слишком тихо для того, что творилось у него внутри. Огромный RAM плавно тронулся с места, выкатываясь на свет.

В этот самый момент Лия подняла взгляд, и их глаза встретились сквозь лобовое стекло. Одно короткое мгновение – и Макс не задержал на ней взгляда, не притормозил ни на долю секунды. Просто выехал с парковки – ровно, почти демонстративно спокойно.

И это молчание было страшнее любых слов.

Он ехал по ночному мегаполису, мёртвой хваткой сжимая руль пикапа. В голове монотонно стучала одна-единственная мысль – чёткая, злая, пугающая в своей простоте.

Он возьмёт то, что хочет. Как всегда брал в этой жизни. И абсолютно плевать, что для этого придётся сделать.

Глава 12

Полночь в Chili была временем, когда город окончательно сбрасывал дневные маски.

Музыка била в грудь – басы глубокие, почти физические, вибрировали в костях. Свет полосовал зал и тела, сливающиеся в нечто, напоминающее оргию в танце. Воздух пах дорогим алкоголем, парфюмом и той смесью пота, возбуждения и денег, которая бывает только здесь и только в такое время.

VIP-зона на втором этаже была отрезана от шума внизу затемнённым панорамным стеклом и бархатными канатами. Здесь правила были другими. Музыка шла приглушённым, комфортным фоном, свет становился мягче, лица – дороже. Здесь шептали прямо в ухо и улыбались той особой улыбкой, которая всегда имела конкретную цену.

Макс сидел на широком кожаном диване в угловом секторе, который давно стал его персональным. Откинувшись на низкую спинку, он лениво покачивал в пальцах бокал с виски. Поза свободная, по-хозяйски расслабленная. Обычная ночь.

Только сегодня всё это было не обычным.

Слева от него устроилась Кэйси – длинноногая блондинка в ультракоротком чёрном платье, которое оставляло мало места для воображения. Справа – Вероника, темноволосая, с губами, покрашенными ярко-красной помадой, и открытым,

зовущим взглядом.

Обе находились здесь не случайно. Они прекрасно знали, чего хотят, и понимали, как должен закончиться этот вечер.

И обе уже уверенно обозначали своё присутствие. Кэйси положила ладонь на бедро Макса, а Вероника лениво перебирала пальцами воротник его рубашки, склонившись так близко, что он ощущал её тёплое дыхание на своей шее.

– Ты сегодня слишком молчаливый, – прошептала Вероника, и её губы почти коснулись его уха. – Что-то случилось?

Макс сделал глоток односолодового, позволяя алкоголю обжечь горло.

– Нет.

– Уверен? – Кэйси провела ладонью выше по его бедру – настойчиво, требуя ответной реакции. – Обычно ты не такой... задумчивый.

Он усмехнулся – коротко, без малейшего веселья.

– Устал.

– Мы можем помочь тебе расслабиться, – Вероника скользнула пальцами по его груди вниз. – Правда ведь?

Кэйси рассмеялась низко и обещающе. Она наклонилась ближе, и её рука уже расстёгивала верхнюю пуговицу на его джинсах.

Макс не остановил её.

Он просто смотрел в пространство перед собой – в полутьму зала, где в неоновых вспышках мелькали силуэты танцующих людей. В груди нарастало что-то свинцовое и давя-

щее.

Кэйси расстегнула ширинку медленно, почти игриво, и запустила руку внутрь, так что её пальцы скользнули по горячей, напряжённой коже.

Вероника в это время целовала его шею – мягко, влажно, оставляя следы помады на ключицах. Он почувствовал запах её духов – резкий, мускусный, слишком сладкий. Ничего похожего на...

Чёрт!

Обычно этого хватало. Обычно он уже давно бы перестал думать и отдался моменту: чужим послушным телам, рукам, губам. Всему тому, что было так легко, так доступно и так убого предсказуемо.

Но сегодня он думал.

И видел не их.

Её.

Лия. Стоит у своего байка, шлем в руках, волосы распущены по плечам. И этот парень наклоняется к ней.

А она не отступает.

Блядь.

Макс с такой силой сжал пальцы, что толстое стекло бокала могло вот-вот треснуть.

Да что за херня...

Он провёл широкой ладонью по лицу, пытаясь физически стереть навязчивый образ. Его корёжило от собственного бессилия, от патологической ситуации, от самого факта

этого абсурдного ментального сдвига. Проверенная годами система дала критический сбой.

– Эй, – Кэйси подняла голову и посмотрела на него снизу вверх с лёгкой обидой в прищуренных глазах. – Ты вообще здесь?

– Здесь, – выдавил он сквозь зубы.

– Не похоже.

Вероника старалась ещё больше. Нежно прикусывала мочку его уха, сладко постанывая и прижимаясь к нему сильнее. Кэйси тоже попыталась – её ладонь двигалась всё увереннее, настойчивее. Но Макс чувствовал только желчное раздражение.

Она позволила ему. Этому парню в клетчатой рубашке. Этому ёбаному Люку с его щенячьим взглядом и неуклюжими жестами.

А мне – нет.

Что-то в груди сжалось так сильно, что стало больно. Не от ревности – или не только от неё. А от упрямого осознания того, что происходящее было в корне неправильным. Сломанным.

Он был, мать его, Макс Дрейк. Человек, который забирал первые места. А прямо сейчас какой-то хлюпик в очках получил то, чего он сам добиться не смог.

Как, блядь, такое вообще возможно?

– Макс, – Вероника настойчиво положила ладонь ему на щеку, силой заставляя повернуться. – Серьёзно. С тобой се-

годня что-то не так.

Он посмотрел на неё. Красивая. Безупречная. Стопроцентно готовая выполнить любой его каприз.

И совершенно не та, кого он хотел.

– Всё нормально, – сказал парень ровно и аккуратно убрал руку Кэйси. – Просто не сегодня.

Обе девушки растерянно переглянулись – непонимающе, чуть обиженно.

– Ты серьёзно? – Кэйси резко выпрямилась на диване, дёрганным движением поправляя облегающее платье. – Мы же только...

– Знаю, – Макс допил остатки виски залпом и со стуком поставил пустой бокал на стеклянный столик. – Не в настроении.

Вероника недовольно фыркнула, приглаживая растрепавшиеся волосы.

– С каких пор у Макса Дрейка вообще бывает «не в настроении»?

Он усмехнулся – криво, одним уголком губ. В потемневших глазах не осталось ничего живого.

– С сегодняшнего. Обе – пошли вон.

Девушки потоптались на месте около минуты, явно не веря, что он действительно их отшивает, а затем синхронно направились к выходу, бросив на прощание что-то досадное вроде «твоя потеря».

Макс остался один. Он сидел на кожаном диване, окру-

жённый грохотом музыки и вспышками света, и чувствовал себя так, как не чувствовал уже очень давно.

Проигравшим.

Не на профессиональном треке перед переполненными трибунами. Здесь, в этой грёбаной игре с женщиной, которая даже не пыталась с ним играть.

– Сука, – едва слышно выдохнул он в пустоту. Безнадёжно. Почти устало.

Чем больше ему становилось, тем жёстче каменели мышцы, а лицо превращалось в неподвижную маску. Обида кристаллизовалась, выжигая изнутри любые сомнения.

А на её месте рождалась чистая решимость.

Ночь для Лии превратилась в серию коротких, тяжёлых провалов в черноту. Сон не давал отдыха. Он был рваным, как старая изношенная ткань, и сквозь эти дыры постоянно просачивалась беспокойная реальность.

Сознание упрямо возвращалось к одному и тому же моменту – слишком близкому, слишком телесному, чтобы его можно было просто проигнорировать.

Она то и дело просыпалась, сбрасывала одеяло и, уставившись в потолок, пыталась собрать мысли в привычный ровный строй. Но система анализа буксовала.

Что ты творишь, Нокс? Как ты умудрилась так вля-

паться?

В памяти вспыхивало лицо Люка – его внезапная, незнакомая мужественность. Он залез к ней под кожу, заставил дать трещину. Хорошо. Ладно. С этим можно было работать. Это можно было списать на усталость, слабость или минутную потерю контроля. Лия всегда находила логическое объяснение всему, особенно собственным ошибкам.

Но стоило попытаться зафиксироваться на Люке, как перед глазами вставал массивный силуэт тёмно-серого пикапа. И взгляд Макса сквозь стекло.

Она не давала ему разрешения занимать это место. Он занял его сам. И именно это выводило её из равновесия. Чем сильнее она пыталась вытеснить его из своих мыслей, тем настойчивее он в них возвращался.

День облегчения также не принёс. Она сидела за столом, вперившись в распечатку. Один и тот же абзац был прочитан десяток раз, но буквы оставались просто чёрными пятнами на бумаге. Смысл упорно не фиксировался, расплзался в стороны.

Это был просто поцелуй.

Лия с резким нажимом провела ручкой по полям, оставляя глубокую борозду. В этой пометке не было ни капли редакторской объективности.

Просто. Поцелуй.

Губы непроизвольно сжались, словно пытались стереть

фантомное давление. Но тело помнило всё иначе. Оно хранило память о совершенно другом прикосновении – уверенном, дерзком, почти осязаемом, которое преследовало её со встречи в Greenwood House. В этом навязчивом воспоминании не оставалось и следа той осторожной, робкой манеры, с которой Люк коснулся её губ.

И именно этот контраст бесил больше всего.

Люк. Предсказуемый, вежливый, безопасный Люк, который умудрился втянуть её во всю эту путаницу.

Медленно выдохнула и откинулась на спинку кресла, тут же мысленно выругавшись на саму себя.

Господи, Нокс. Тебе тридцать девять. Ты не школьница, чтобы реагировать так, будто тебя коснулись впервые в жизни.

Устало потёрла пальцами виски и снова уставилась в исчерканный текст, когда прямо над ухом раздался негромкий голос:

– Доброе утро.

Лия подняла взгляд – и на секунду действительно зависла.

Люк выглядел иначе. Без очков в тонкой оправе, которые он обычно носил, его лицо сразу обрело непривычную жёсткую чёткость, а взгляд стал прямым и сфокусированным. Темная футболка плотно облегла развернутые плечи и грудь, отчетливо подчеркивая подтянутую фигуру, о существовании которой Лия раньше даже не задумывалась. Слишком рельефный, мужской силуэт для того безобидного

и милого парня, которого она привыкла видеть за соседним столом. Шаблоны ломались один за другим.

– Утро, – ответила она. Голос прозвучал слишком ровно.

Люк чуть заметно улыбнулся – спокойно, без прежнего заискивающего желания понравиться. Он подошёл ближе, полностью проигнорировав свою обычную дистанцию, и просто уверенно оперся ладонью о край её рабочего стола.

– Плохой текст? – спросил он, кивнув на распечатку.

– Плохое утро.

– Из-за текста?

Она слегка прищурилась, чувствуя, как дыхание цепляется где-то под рёбрами.

– Люк...

– Из-за меня? – вопрос прозвучал буднично, и именно эта обезоруживающая прямота выбила почву из-под ног сильнее любой мужской дерзости.

Лия медленно, с лёгким стуком отложила ручку.

– Ты сейчас серьёзно?

– Ты мне скажи.

Ни тени прежней шутки. Ни малейшей попытки спрятаться за офисной неловкостью. Только этот новый, обжигающий взгляд.

«А он хорош», – мелькнула в голове непрошенная мысль. Но тут же, наперерез ей, проскочила ещё одна – гораздо более пугающая и неуместная.

Но он – не Макс.

Лия внутренне вздрогнула.

Проклятье. Почему опять он?

Она уже открыла рот, собираясь вернуть Люка на место, но именно в эту секунду обстановка за спиной младшего редактора изменилась. Опенспейс не затих, но в воздухе появилось то самое давящее ощущение чужого присутствия, которое невозможно спутать.

Лия подняла взгляд поверх плеча Люка.

У самого входа в просторный зал стоял Макс Дрейк.

Рабочий шум буквально замер на восхищённом вдохе. Он вошёл спокойно, неся перед собой ту ленивую безупречную уверенность, которая давно привыкла к подобным реакциям. Его взгляд коротко скользнул по замершему коллективу, без малейшего интереса, без задержек на лицах – и почти сразу был перехвачен.

– Господин Дрейк!

Директор Хэммонд появился из глубины коридора с той поспешной, суетливой энергией, которая сейчас слишком резко контрастировала с его обычной солидной сдержанностью. Дежурная улыбка уже была на месте – широкая, почти сияющая, скрывающая любое внутреннее напряжение.

– Рад, искренне рад видеть вас. Для нашего издательства это всегда огромное удовольствие.

Макс перевёл на него взгляд. Его лицо оставалось вежливым, невозмутимым и абсолютно нечитаемым.

– Взаимно.

– Пройдёмте ко мне, пожалуйста. Пара чистых формальностей, документы... Чай, кофе, виски – всё, что пожелаете.

– Виски звучит разумно.

Хэммонд рассмеялся чуть громче, чем того требовала ситуация, и радушным жестом пригласил гостя следовать за собой. Дрейк коротко кивнул и, не удостоив никого из присутствующих своим вниманием, размашистым шагом направился через притихший зал.

Лия краем глаза проводила его прямую спину. Люк сделал то же самое.

Спустя несколько минут на её заваленный распечатками стол внезапно легла тень.

– Лия, зайдите ко мне в кабинет.

Она подняла взгляд на директора. На его лице больше не было сияющей улыбки – только деловая озабоченность.

– Сейчас?

– Да.

В кабинете Хэммонда Макс уже сидел за директорским столом. Расслабленно откинувшись на спинку глубокого кресла, удерживая в ладони бокал с янтарной жидкостью, – он выглядел так, словно находился здесь вовсе не в роли приглашённого гостя.

Лия вошла. Дверь закрылась тихо. Но этот звук прозвучал громче любого хлопка. Она остановилась у края стола, чувствуя, как пространство между ними стремительно сужается.

ся, становясь плотным и душным.

Он поднял на неё взгляд сразу же.

Никакой полуулыбки. Никакой ироничной игры, к которой она уже мысленно подготовилась. Его лицо казалось застывшим, а взгляд – пугающе пустым. В тёмных глазах не осталось ничего знакомого, только новая, выжигающая дистанция.

Лия считала эту перемену мгновенно. Ощущение было похожим на внезапный сквозняк в закрытой комнате – резкий, хлёсткий, мгновенно лишаящий тепла.

– Нокс, – произнёс он.

Голос звучал холодно. Её фамилия, брошенная так сухо, действовала отрезвляюще. Она почти физически ощутила, как Дрейк одним этим словом вычеркнул из их общения любые намёки на личный подтекст. Перевернул страницу. Обнулil счёт.

– Мне не нравится третья глава.

Он произнес это подчеркнуто деловито, коротким глотком приложившись к виски.

– Переделай.

Никаких пояснений. Никаких развёрнутых комментариев. Лия хладнокровно закрыла картонную папку и с сухим стуком отложила её на край стола.

– Конкретика будет?

Макс даже не повернул головы. Лениво вертел в пальцах бокал, наблюдая за игрой алкоголя и кубиков льда на свету,

будто весь этот разговор являлся лишь фоновым шумом, не заслуживающим его прямого внимания.

– Мне не нравится третья глава.

– Это не аргумент, Макс.

– Для меня – аргумент.

Лия решительно подалась вперёд, сокращая дистанцию.

– Я не перекраиваю готовый текст только потому, что у автора внезапно сменилось настроение.

Он поставил бокал. С едва слышным звоном стекла о дерево. Когда гонщик поднял на неё взгляд, в нём отсутствовало и привычное раздражение, и прежний дерзкий вызов. В глубине тёмных зрачков застыло каменное безразличие.

– Переделаешь.

Произнесено тихо. Без нажима. Как окончательное решение, которое не подлежит обсуждению. Лия выдержала этот напор, не отводя взгляд.

– Нет.

Макс чуть склонил голову набок, будто услышал нечто по-настоящему любопытное. Затем молча протянул руку и взял со стола связку ключей.

– Тогда я найду себе другого редактора. Того, кто понимает, как работает контракт.

Удар был нанесён лениво, мимоходом, но с хирургической точностью. Лия замерла. На одно короткое мгновение.

– Шантаж?

– Реальность.

Он поднялся с кресла и направился к выходу. Спокойно, размеренным шагом, ни разу не обернувшись. У самой двери всё же притормозил – затылком чувствуя её взгляд.

– Новую версию жду к четвергу, Нокс.

И вышел. Разговор был завершен.

Лия осталась стоять неподвижно. Её пальцы до белизны в суставах, впились в край стола.

– Сволочь – едва слышно выдохнула она в пустоту чужого кабинета.

И, к собственному дикому раздражению, отчётливо поняла, что прямо сейчас у неё в груди дрожит не злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.